

Часть 1. БЫЛОЕ – В НАСТОЯЩЕМ...

Ростислав Леонидович Ковалевский

кандидат филологических наук, профессор,
почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
заслуженный деятель науки
Республики Калмыкия

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...»

Холст Времени
соткан из мгновений.
Холст Истории – из событий.
А Жизни холст – из поступков.

Автор

0. Пролог. Вместо эпилога

Все познается в сравнении. Малое является таковым лишь потому, что есть большое, успех особенно значим на фоне неуспеха, а героизм – на фоне трусости...

Но сравнение – это не только противопоставление противоположностей. Чуть больше, чуть выше, чуть сильнее сегодня, чем вчера, намного значимее, весомее, эффективнее, чем раньше, или хуже, слабее, беднее, чем хотелось бы... И так – по ступеням времени – либо вверх, либо вниз... Одно смотрится на фоне другого, и наоборот.

Казалось бы, как можно и для чего нужно сравнивать ребенка в коротких штанишках

со взрослым человеком? Разные кондиции, несовпадающие параметры, несопоставимые возможности. Но сравнение возможно, даже необходимо. Оно позволяет определить, насколько эффективно был потрачен невозобновляемый ресурс – время, не помешали ли неизбежные «детские болезни» росту и мужанию, насколько разумно был потрачен потенциал развития.

30 лет – это полжизни среднестатистического россиянина. Но университеты – не люди. И хотя они тоже рождаются в муках и какое-то время «ходят» в «коротких штанишках», их век исчисляется поколениями профессоров и студентов, плоды их жизни и деятельности определяют интеллект и прогресс на-

ции, их миссия измеряется глубиной познания мира и совершенством человека.

30 лет – возраст нашего Университета – время, за которое из мечты, идеи, потребности, первого правительственного документа – стараниями, заботами и трудом его сотрудников, преподавателей и студентов, благодаря поддержке местных и федеральных органов власти и помощи других вузов – родился, вырос, «возмужал» и приносит весомые плоды настоящий и достойный своего статуса Университет!

За это время не всегда попутный ветер дул в его паруса. Но на его мостике всегда стояли надежные капитаны, они же – штурманы, они же – впередсмотрящие. При выходе в море в период социальных и политических штилей и штормов его штурвал был в опытных руках стратегически мыслящего тактика – Максима Матвеевича Загорулько.

В последующий период, когда порой было даже трудно определиться, куда и зачем плыть, чем загружать трюмы и кормить команду, у руля встал прагматичный и расчетливый стратег – Олег Васильевич Иншаков. И в наше беспокойное время преобразований и модернизаций, непредсказуемых экспериментов над высшим образованием ему удастся не только сохранить плавучесть нашего корабля, но и направлять его движение по курсу, адекватному потребностям общества. И даже в тяжелейшие времена не прекращавшихся в стране переходных периодов и кризисов, когда «крысы» побежали с нашего корабля, костяк его команды не дрогнул...

30 лет – время смены поколений преподавателей: бывшие студенты первых и последующих наборов сегодня подавляющая часть профессорско-преподавательского состава. Показатели качественного и количественного роста Университета вызывают не только удивление, но и белую зависть у коллег по цеху.

И еще одно: оптимистичная и светлая обстановка в университете, культура межличностных отношений в коллективе, не в последнюю очередь зависящая от стиля руководства университетом, придают каждому его работнику силы и уверенности в завтрашнем дне.

Сложилось так, что никто не вел подробной летописи Университета. Созданный музей

ВолГУ дает возможность познакомиться с важными этапами его развития и в некоторой степени восполняет потерянное и забытое. Но в памяти людей, участвовавших в его становлении даже не с «нулевой отметки», сохранились картинки этого радостного, а иногда и драматичного «детского» прошлого Университета. Порой это воспоминания о мелких деталях и, казалось бы, незначительных фактах. Но они дадут читателю, не бывшему свидетелем и участником событий тех лет, некоторое представление о том, как это было, почему так было, и позволят сравнить былое с тем, что есть, а «людям первого часа» освежить свои собственные воспоминания о счастливых годах своего мужания и профессионального становления вместе со своим детищем – Волгоградским государственным университетом. Он стал лучшим доказательством тому, что мечты сбываются – если приложить силы, ум и очень хотеть их осуществить!..

1. «Скажи, кто я?»

Автобус спускался по извилистой дороге с самой высокой вершины Рудных гор – Фихтельберг. В большом междугородном «Икарусе» было всего 7 пассажиров. Один из них лежал на заднем сидении и безмятежно напевал: «У природы нет плохой погоды...», хотя действительность за заледеневшими стеклами автобуса не совсем соответствовала как словам самой песни, так и настроению спутников. Было сыро и морозно. Справа по ходу автобуса коричневой стеной стояли мертвые ели, погибшие от выбросов чешского химзавода, построенного у самой немецкой границы. Они навевали грусть и разочарование успехами «братских» народов. Было тоскливо, и хотелось побыстрее в какой-нибудь йегерхаус: перекусить и согреться рюмкой «доппелькорна», тем более что на Фихтельберге пришлось на сыром морозном воздухе выпить по кружке холодного пива – и уже пора была сходить до ветру, но среди пассажиров была одна дама – и «облегчить душу» можно было лишь в отведенном для этого месте, до которого еще неизвестно сколько добираться.

Напевающий мужчина, чуть-чуть переваливший за средний возраст, резко поднялся и, обращаясь ко мне, спросил:

– Ты знаешь, кто я?

Мы проработали вместе больше 10 лет, а на горной вершине выпили только по одной кружке пива – и вдруг такой вопрос?! Я замешкался с ответом, не совсем понимая, о чем он спрашивает.

– Ну, скажи, кто я? – повторил он.

– Загорулько Максим Матвеевич... – как-то даже неуверенно ответил я.

– Нет, ты скажи, кем я работаю? – переформулировал он свой вопрос.

– Насколько я помню, – попытался вроде бы пошутить я, – ректором Волгоградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича.

– Ошибаешься... – парировал он мой ответ, – ректором... Волгоградского государственного университета, но об этом еще мало кто знает. – И, кивнув в сторону остальных пассажиров, участников конференции ректоров пединститутов социалистических стран в Потсдаме, продолжил: – Они тоже не в курсе.

Я был ошеломлен и обрадован новостью о том, что, наконец-то, в Волгограде появится университет, о котором время от времени то разгорались, то затихали разговоры в среде вузовских преподавателей города, и многие лелеяли надежду попасть туда работать. Некоторые университеты Союза открылись в то время на базе местных пединститутов. Вероятно, так было проще и дешевле – какая-никакая материальная база уже есть, кадры – тоже, чуть-чуть добавить, прибавить, усилить и поднять – и вроде бы университет готов.

– Открыли, наконец, на базе нашего педа?

– Снова ошибаешься: наверху, наконец, поняли, что инерция – великая сила, и переименованный в университет пединститут еще долго останется пединститутом. И хотя процедура эта малозатратная, но и малоэффективная. Так что Волгоградский университет создается на пустом месте в чистом поле – вернее, в бывшем Лапшином саду на Лысой горе. Ну а пока он – в этом автобусе и представлен одним-единственным сотрудником – «руководителем ректорской группы» – и он перед тобой.

– Поздравляю от души! И очень при этом сожалею...

– В каком смысле?

– Вы уходите, а мне оставаться в пединституте...

– Зачем «оставаться»?.. Пойдешь со мной в университет.

Я не находил слов от радости, неожиданности и еще массы положительнейших эмоций.

– Считай, что я делаю тебе официальное приглашение. Даешь согласие?

– Конечно – слов не нахожу для благодарности!..

– Ну вот и договорились. Ты – первый, кого я пригласил. Вернешься из ГДР – сразу и перейдешь.

– Сразу увольняться?

– Нет, зачем? Увольняться не надо, оформим переводом тебя и еще группу преподавателей, которых я собираюсь пригласить.

Странно, но погода за окном как-то сразу изменилась в лучшую сторону, автобус подкатил к ресторанчику у подножия скалистого холма, поросшего еще живыми зелеными соснами, открылась дверь – в ее проеме появился улыбающийся хозяин заведения в саксонском национальном костюме и торжественно провозгласил:

– Табро пашалават, тарагие тавариши!

***Справка.** 21 июня 1974 г. Совет Министров СССР принял постановление № 510 об открытии в 1980 г. Волгоградского государственного университета. 21 октября Совет Министров РСФСР принял решение об организации в г. Волгограде государственного университета... 21 марта 1980 г. издан приказ Минвуза РСФСР № 7-ГУ о назначении ректором Волгоградского государственного университета доктора экономических наук, профессора Загорулько Максима Матвеевича *.*

2. «...Это совсем нелзя!»

«Ректорская группа Волгоградского государственного университета» – такая надпись на картонке размером 15×30 см стояла между оконными рамами двухкомнатной квартиры первого этажа дома № 7 по ул. Тулака. В поме-

* Информация для данной и последующих *Справок* почерпнута из: Сидоров С. Г. Волгоградскому государственному университету – 25 лет, 1980–2005. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. 399 с., [19] л. ил.

щении было два стола, один стул и пишущая машинка. Стул был «переходным» элементом интерьера: когда «руководителя ректорской группы» – «шефа» не было, стул занимала секретарь шефа – Светлана, когда шеф появлялся в перерывах между хождениями по партийным и хозяйственным «инстанциям», стул переходил в его временное пользование. Квартиру эту предоставил университету во временное пользование без всяких договоров и арендной платы давний знакомый М. М. – директор деревообрабатывающего завода им. В.В. Куйбышева Валентин Калдаев, после случайной встречи в «коридорах областной власти», узнав о новорожденном университете «без определенного места жительства».

В марте 80-го М. М. «сдал ключи» от пединститута новому ректору – бывшему проректору Станиславу Глазычеву.

В это же время для перевода совместной книги, которая была подготовлена коллективами преподавателей пединститутов-партнеров – Волгоградского и Цвиккауского, в Волгоград приехал проректор последнего профессор Д. Ридель. Он неплохо знал русский язык, и мы совместно трудились над переводом работ наших и немецких коллег. Тематика была психолого-педагогическая, и особенно много трудностей возникало при переводе на русский язык статей по психологическим проблемам. Когда мне не удавалось постичь глубину мысли немецкого коллеги, я просил Риделя объяснить смысл хотя бы на пальцах. Но он тоже становился иногда в тупик, хватался за телефон и звонил в Цвиккау, довольно долго выяснял смысл фрагментов текста, затем не отказывал себе в удовольствии прокатиться по автору и, бросив трубку, подбирая более-менее приличные выражения и закуривая очередную сигарету, угрожающим тоном говорил:

– Фернус, фсех уволю!

В один из дней позвонил М. М. и пригласил посмотреть университет. Ридель с радостью согласился.

Проехали сельхозинститут, который, казалось тогда, располагался на краю города – у черта на куличках, у «Обувной» свернули направо, въехали в частный сектор, еще раз повернули направо – и... перед нами стояла трехэтажная бетонная коробка типовой школы, без

окон и дверей, без штукатурки и полов. По деревянному трапу проникли внутрь. Ветер продувал все насквозь. Ридель как-то сразу сник и замолчал, а М. М. с одухотворенным лицом описывал, где что будет находиться:

– Здесь – мой кабинет, здесь – приемная, там – библиотека, а в этих аудиториях – первого августа абитуриенты будут писать сочинения на вступительных...

– Когда?! – изумился Ридель. – В каком году?!

– Как в «каком»? Первого августа нынешнего, восьмидесятого. А ты как думал?

– Ну, снаете, это совсем нелзя!

– Чудак человек: нам отступать некуда – взялся за гуж, не говори, что не дюж. Ты знаешь, что такое гуж? Ростислав, объясни товарищу, что такое гуж.

Не помню, как я растолковал Риделю значение этого слова и всей поговорки, но вскоре во всей полноте узнал, какое значение приобрели они для нас.

Справка. 31 мая 1979 г. Коллегия Минвуза РСФСР приняла решение о начале занятий в Волгоградском государственном университете с 1 сентября 1980 года.

3. Факультет

Перевод из пединститута ряда преподавателей не проходил гладко и беспрепятственно. В начале апреля 80-го преподавательский коллектив университета, с учетом ректора профессора М.М. Загоруйко, удвоился: из пединститута довольно спокойно «мигрировал» первый преподаватель – историк-археолог доцент Анатолий Степанович Скрипкин. Мне пришлось почти на две недели «застрять» в приемной ректора пединститута. Мы были с ним в очень хороших, можно сказать – дружеских, отношениях. Прочитав мое заявление о переводе в университет, он кратко и резко заявил:

– Не отпуска! Иди к себе и занимайся своей кафедрой.

Я – к М. М.:

– Что делать?

– Не отступать: приходи каждое утро в приемную, записывайся на прием и клади на стол заявление – он долго не выдержит.

Станислав Николаевич выдержал две недели – и с 9 мая я был зачислен переводом в штат университета, на должность доцента.

На очереди были профессор София Петровна Лопушанская, доценты Тамара Владимировна Максимова и Татьяна Владимировна Кондольская. Таким образом, педагогический институт понес значительные потери в преподавательском составе, но обеспечил «прикрытие» гуманитарных специальностей в создаваемом вузе.

Еще до перехода в университет я поинтересовался, какие специальности будут открыты. М. М. сообщил, что это – «Математика», «Физика», «История», «Русская филология», «Химия» и «Биология» – 5 специальностей, по 50 студентов. То есть по числу студентов это может быть только один факультет. Я был в шоке, не услышав в списке романо-германской филологии, и спросил у шефа:

– А что же я буду делать?

– Работать – на всех специальностях преподают иностранные языки.

– А как вы себе представляете университет без инфака? Это будет... – я попытался выразиться метафорически: мол, вуз без инфака – что клумба без цветов, и еще что-то в этом роде, но слова мои не произвели на М. М. заметного впечатления. Пришлось выдвинуть действительно существенный довод: – Без лабораторий, специального оборудования и очень многих вещей обучать химии и биологии как специальности – невозможное дело, а в университете пока два стола и один стул, а на дворе уже весна, а 1 сентября – начало учебного года...

Шеф, как всегда, среагировал мгновенно:

– А ты прав. Сделаем романо-германский, но с тебя и будет за него весь спрос.

В это время, насколько мне было известно, министерские документы по структуре университета лежали в обкоме КПСС на согласовании, и М. М. удалось внести в них соответствующие коррективы, а дальше бюрократическое колесо закрутилось по заведенным правилам – и скорректированная структура была окончательно утверждена. На последнем этапе возникла проблема с названием факультета, включающего совсем разные специальности. Но М. М. находчивости было не занимать. Побывав в

министерстве и «ускоряя» рождение соответствующего приказа, он предложил невиданное в истории российской высшей школы название: «Факультет естественных и гуманитарных наук».

Через год, когда одна из наших студенток по семейным обстоятельствам решила перевестись в Харьковский университет и предъявила там академическую справку об окончании первого курса факультета естественных и гуманитарных наук, там категорично заявили:

– Девушка, что это за справка? Таких факультетов нет и быть не может.

***Справка.** 10 июля 1980 г. Минвуз РСФСР издал приказ о создании в структуре ВолГУ первого факультета естественных и гуманитарных наук с организацией подготовки студентов по специальностям: «Русский язык и литература», «Романо-германские языки и литература», «История», «Математика» и «Физика».*

4. С миру по нитке...

Трудно и долго обживать новую квартиру, но благо – есть что обживать. Те условия, в которых немногочисленная команда создаваемого университета делала свои первые шаги, когда даже обживать было нечего, в определенном смысле сравнимы с освоением пустынных золотоносных районов Америки: на пустом месте, с минимумом средств и возможностей добиться желаемого результата, осуществить свою мечту. Но были в этом процессе и принципиальные различия. Фанатичные романтики-корыстолюбцы золотоискатели трудились на не обжитых доселе землях поодиночке, гибли не только от трудных условий, но часто в беспощадной междоусобице за источник вожаемого богатства и будущего благополучия. А здесь немногочисленная команда была сплочена оптимизмом и единоначалием М. М. в режиме «демократии в рамках диктатуры» и собственным честолюбием.

Негласный лозунг «С миру по нитке...» стал руководством к действию. Требовались работники учебно-вспомогательного персонала и различных формировавшихся служб, преподаватели на постоянную работу и для чте-

ния отдельных курсов, книги, хоть какие-то приборы для физиков, классные доски, столы и стулья, спортивный инвентарь и многое-многое другое. Но мир не без добрых людей: пошли в подарок книги из частных и вузовских библиотек («Без библиотеки нет университета!»), приборы для физиков и т. п...

Какой-то министерский снабженец в конце июля 1980 года «одарил» новорожденный университет плановой поставкой «оборудования»: из Москвы прибыл 20-тонный грузовик и привез два ящика хозяйственного мыла, два овчинных полушубка, две пары валенок, несколько рулонов гардинной ткани то ли с туркменским, то ли с арабским орнаментом и около ста столов в разобранном виде. Гардинная ткань была такой необыкновенно притягательной расцветки, что через пару дней обнаружилась недостача нескольких метров и последовало первое неприятное разбирательство представителей университетских «спецслужб» – коменданта и кладовщицы. Недостачу списали на «утруску» во время транспортировки...

Когда строители, закончив отделочные работы, ушли с предназначенного для библиотеки помещения, перед его дверью уже лежало несколько стопок книг, но не было стеллажей, каталожных ящиков и прочего. Каждая недостающая мелочь, которую едва ли замечаешь в нормальных условиях, становилась проблемой, которую нужно было решать не завтра, даже не сегодня, а еще вчера.

Справка. Книжный фонд университета вырос в 1980 г. с 0 до 42,4 тыс. экз., в 1981 – до 78, в 1982 – до 104, а к 1985 – до 193 тыс. экземпляров. В 2008 г. книжный фонд Научной библиотеки ВолГУ превысил 750 тыс. экземпляров.

В этих условиях без помощи и поддержки Воронежского, Саратовского университетов, Волгоградских педагогического и политехнического институтов, ряда вузов Москвы и других городов, предприятий города и частных лиц сделать новорожденному университету свои первые шаги было бы просто невозможно. Я намеренно не упоминаю здесь партийные и советские органы города, без поддержки и «руководящей роли» которых в те времена вообще ничего не могло происходить, лишь по той причине, что помощь университету была их

служебной обязанностью, а не актом доброй воли, а также потому, что побудить их к эффективному действию стоило большого труда, находчивости и сопровождалось риском нарваться на партийное взыскание, прелюдия к которому в вышестоящих партийных комитетах начиналась тогда словами: «Товарищи, есть мнение...» – и «товарищи», как правило, поддерживали это мнение единодушно, с чувством глубокого удовлетворения и честно выполненного долга.

Заканчивался июль 80-го, приближались первые вступительные экзамены. Оказалось – не закрыта позиция по математике – некому составить экзаменационные задания. Во время командировки в Воронежский университет М. М. попросил у принимавшего нас проректора профессора Гусева задачи по математике. Дать такой «стратегический товар» в руки даже ректору соседнего университета воронежцы не рискнули и послали экзаменационные материалы спецпочтой. Материал пришел вовремя. Но оказалось, что ни у кого из десятка работников университета нет допуска на получение «секретной почты». Пакет лежал положенное время и, как не востребованный адресатом, был отправлен обратно. До письменного экзамена по математике оставалось менее трех суток. М. М. – к генералу в «контору»: «Выручайте – горим!». Пакет сняли с поезда и фельдъегерской почтой доставили в кабинет М. М. 31 июля, а в первый день августа нынешние доктора физико-математических наук, а тогда абитуриенты Владимир Ткачев, Илья Коваленко, сестры Валентина и Елена Михайловы и еще несколько десятков человек кто «щелкал», кто «грыз» эти воронежские «орешки».

5. «Как нас зовут? Где мы находимся?»

К удивлению большинства из немногочисленной университетской команды, оказалось, что университету, как и человеку, нужен паспорт. А в паспорте, как положено, первой строкой идет имя владельца. Нынешнее «Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования» еще не было при-

думано пытливым и изобретательным умом правительственных чиновников, но каждый нормальный советский гражданин понимал, что «университет» – это и высшее, и образовательное заведение, и что в нем дают не только профессиональное, но и более глубокое – фундаментальное, одним словом – «университетское», образование. Поэтому его именем было лаконичное и весомое: «Волгоградский государственный университет».

Но этого оказалось мало. В паспорте нужно было указать и его сокращенный вариант. Не долго думая, мы с проректором Валерием Михайловичем Волчковым вписали: «ВГУ». Показали М. М. Он пару раз произнес вслух: «Вэ-гэ-у» – и сразу отверг это сокращение. Довод, что он сам пришел из «Вэ-гэ-пэ-и» и других сокращений сделать нельзя, его не убедил. Вопрос на пару дней остался открытым, и тут подоспела командировка в Воронеж. Когда мы с М. М. пришли в Воронежский университет, он сказал:

– Заметь – мы с тобой сейчас в ВГУ – так что думай.

– А если... «ВолГУ»? – И с Волгой ассоциируется, и звучит красиво.

– Согласен. Молодец! А думать нужно чаще, а не предлагать первое, что на ум придет.

Так появилось это сокращенное имя университета, которое год от года приобретает все более весомое значение и не теряет своего первоначального благозвучия.

В паспорт необходимо было вписать почтовый адрес университета, и, вообще, уже настала пора вступать в контакт с внешним миром путем почтовой переписки. До этого почтовые контакты М. М. с московскими учреждениями осуществлялись через адрес Волгоградского обкома партии, в одном из кабинетов которого «руководитель ректорской группы», еще до переезда в двухкомнатную «резиденцию» на ул. Тулака, получил свой персональный стол и стул.

Мы, находясь на собственной территории, в недостроенном школьном здании, радовались уже тому, что можем наладить переписку с внешним миром и не чувствовать себя как организация-«бомж» – «без определенного места жительства».

На очередной «летучке» (совещания собирать и проводить было еще не с кем и

некогда – все приходилось решать и делать «здесь и сейчас») выяснилось, что никто не знает, какой у нас адрес и, вообще, какова процедура присвоения адреса вводимому в строй зданию. М. М. попросил своего секретаря:

– Света, сходи на улицу Продольную, посмотри, какие номера домов, напротив которых мы находимся. Возьмем один из номеров и добавим к нему букву «А».

Так появился почтовый адрес по Второй Продольной.

Через некоторое время, направляясь в ближний продуктовый ларек за хоть каким-то провиантом, я обнаружил, что здание нынешнего физического корпуса находится в пределах ул. Богданова и имеет к Продольной весьма отдаленное, в прямом смысле этого слова, отношение.

Пройдет 25 лет с этого времени – и благодаря инициативе ректора ВолГУ О.В. Иншакова и поддержке Главы Администрации Советского района города Волгограда П.В. Сидоренко участок улицы Второй Продольной в этом районе будет переименован в «Университетский проспект», а главный корпус Университета получит номер – «100».

6. Спасибо Олимпиаде-80 за «золотой отряд», или Не было бы счастья, да несчастье помогло

Первого августа, когда порог университета переступили несколько сотен абитуриентов, чтобы попытаться счастья и удачи на вступительных экзаменах, они и предположить не могли, что происходило накануне...

А накануне, где-то в шестом часу вечера, все аудитории были вымыты, в них расставлены смонтированные проректором по АХЧ Олегом Рошиным и преподавателем физвоспитания Анатолием Ивановичем Яковлевым привезенные из Москвы в разобранном виде столы. На дверях наклеены таблички с информацией, какой экзамен будет проводиться, запечатаны в конверты 600 тем сочинений и задания по математике и закрыты до утра в кем-то подаренный ректорский сейф. Оставалось расставить стулья. Но... стульев не было (!).

М. М. звонит в обком КПСС: конец рабочего дня, застать кого-либо на месте – проблема. Наконец добирается до руководителя отдела школ и вузов Нины Романовны Прокофьевой и сообщает ей, что завтра сочинения на приемных экзаменах в университет абитуриенты будут писать стоя... Не знаю, кого поднял на ноги обком, но первый грузовик со стульями пришел из Волжского в двенадцатом часу ночи, а уже к первому часу у каждого стола стояло по стулу. Так немногочисленному ППС удалось приобрести крупницы бесценного опыта погрузочно-разгрузочных работ в ночную смену, наряду с другими, не менее полезными для строительства и развития университета навыками, о которых речь еще впереди. (Позднее выяснилось, что платежка на стулья где-то «задержалась», деньги, куда нужно, вовремя не поступили – и стулья не отгрузили: сначала деньги, потом стулья!)

Сейчас, когда коллектив университета решает сложные и серьезные задачи в учебно-методической и научно-исследовательской работе, материально-техническом обеспечении, нелегкой борьбе за выживание в условиях непредсказуемой модернизации, эпизоды, подобные описанному, могут восприниматься как детские забавы. Но когда с такими «забавами» сталкиваешься ежечасно, ежедневно и в массовом масштабе, и когда трудно предвидеть и предусмотреть, что тебя ждет не только завтра, но еще и сегодня, и когда точно знаешь, что переложить работу, которая «не входит в твои обязанности», не на кого, жизнь не кажется скучной и однообразной.

Год 80-й – год Олимпийских игр в Москве. Наш «ограниченный контингент» выполняет «интернациональный долг» в Афганистане, а наши бывшие «классовые враги» в знак протеста саботируют проведение Олимпиады, способствуя тем самым увеличению количества медалей всех достоинств, которые достанутся спортсменам СССР и братских по лагерю стран. Москву скребут и чистят, приводя в цивилизованный вид, вылавливают и вывозят из столицы бродяг и проституток, дабы они хоть на период Олимпиады не пятнали «светлого образа советского человека», и... не пускают в Москву иногородних абитуриентов для поступления в московские вузы.

Это в нынешнее время в каждом городе, не исключая нашего, «развелось» много университетов и академий – переименованных бывших отраслевых институтов, с которыми открывавшее их министерство не знает, что делать. А до 80-го в городе был один – и тот: Университет марксизма-ленинизма – курсовое учебное заведение сети политпросвещения. А тут вдруг из ничего появляется настоящий УНИВЕРСИТЕТ! И большинство претендентов на места в московских вузах с золотыми, серебряными медалями, с красными дипломами о среднем специальном образовании, выпускники с грамотами и призами за победы в предметных олимпиадах и конкурсах, ребята без всяких наград и заметных школьных успехов, но с надеждой на необыкновенное, неизвестное, но счастливое студенческое будущее – ринулись в ВолГУ.

После зачисления первого набора оказалось, что в университете будут учиться выпускники школ не только города Волгограда и области, но дети практически из всех союзных республик огромной страны. На такой «урожай» мы и рассчитывать не могли, тем более что среди зачисленных было более 30 медалистов. Сразу после окончания первого профильного экзамена по всем специальностям, еще до проверки результатов письменных работ, М. М. собрал приемную комиссию и объявил:

– Все медалисты сдали экзамен на «отлично», подтвердили высокое достоинство своих наград и будут зачислены в состав студентов Волгоградского государственного университета!

– Максим Матвеевич, но мы же еще не проверили?..

– Повторяю: «Все сдали на “отлично”». Может, кто-то не понял? Или есть другие мнения?

У изумленной комиссии не было ни вопросов, ни других мнений, а проверка экзаменационных работ, продолжавшаяся до глубокой ночи, показала, что шеф не ошибся, хотя и поступил против правил.

В этой связи будет не лишним отметить, что количество выпускников школ с медалями было в то время на порядок меньше, чем в последние годы, когда в среднем 30 % «вундеркиндов», заполучив фантастическим обра-

зом медали, не могли сдать профильный экзамен даже на «удовлетворительно».

Уже 2 августа «золотой отряд» приступил к работе – уборке строительного мусора, благоустройству территории, выгрузке поступающего оборудования, книг и пр. Для ППС и вспомогательного персонала наступили радостные дни – можно было заняться выполнением и своих непосредственных обязанностей и подготовкой к началу учебного процесса. Наконец, было радостно видеть счастливых и готовых горы свернуть студентов – тех людей, ради и для которых приходилось злоупотреблять правом на труд и игнорировать право на отдых.

7. Структурирование и организация организаций

1 августа 80-го – день, когда ВолГУ приобрел свою первую организационную структуру. Были сформированы факультет и кафедры: практически почти весь ППС оказался при «командирских должностях», но пока без личного состава. Его необходимо было в срочном порядке искать и подбирать – через месяц начало учебного процесса!

Справка. 1 августа 1980 г. ректор ВолГУ подписал приказ № 01-07-4 об открытии факультета естественных и гуманитарных наук и о назначении на должности:

- декана факультета – к. филол. н., доц. Ковалевского Ростислава Леонидовича;
- заведующих кафедрами:
 - истории – к. и. н., доц. Скрипкина Анатолия Степановича,
 - русского языка и литературы – д. филол. н., проф. Лопушанской Софии Петровны,
 - романо-германской филологии – к. филол. н., Кондольской Татьяны Владимировны,
 - общей физики и высшей математики – к. ф.-м. н., доц. Морозова Александра Гавриловича,
 - истории КПСС – к. и. н., доц. Журкович Веры Афанасьевны,
 - иностранных языков – к. филол. н., доц. Максимовой Тамары Владимировны.

В структуре университета созданы: канцелярия, учебный отдел, бухгалтерия, отдел кадров, спецчасть, библиотека, хозяйственный отдел, научно-исследовательский сектор, подготовительные курсы, оздоровительно-спортивный лагерь.

С тех пор структура университета претерпевала постоянные изменения в связи с ростом контингента студентов, увеличением количества специальностей, открытием новых кафедр и факультетов или их объединением... Факультет естественных и гуманитарных наук оказался необычным не только по своему названию и набору специальностей, но и тем, что в течение одного года своего существования одни и те же обучавшиеся на нем студенты были и младшими, и старшими одновременно. Сейчас, наверное, трудно поверить, что в ситуации, когда значительную часть лекционных курсов вычитывали приезжавшие на пару дней или недель профессора из университетов Саратова, Воронежа и других городов, а кафедры были недоукомплектованы – ВСЕ (!) студенты приняли участие в первой студенческой научной конференции. Это была самая необычная и неповторимая конференция, когда одни первокурсники впервые почувствовали себя не школярами, повторяющими чужие мысли или тексты, а искателями чего-то неизвестного, другие с волнением впервые исполнили роль докладчика и почувствовали свою приобщенность к новой – научной – деятельности.

А из партийных инстанций – цзу: «Создать партийную, комсомольскую и профсоюзную организации». На тот период в коллективе оказалось 7 членов КПСС. Встал вопрос: кого выбирать секретарем? Ректор и два проректора – не в счет, декан – тоже, остаются две кандидатуры – заведующие кафедрами профессор С.П. Лопушанская и доцент А.С. Скрипкин. Не знаю, согласовывал ли М. М. «наверху» кандидатуру А.С. Скрипкина на должность секретаря парторганизации, как это было принято, но мы единогласно и по всем правилам – тайным голосованием – избрали Анатолия Степановича нашим «генсеком». Правда, при процедуре голосования произошла заминка: не было урны, куда можно было бросить бюллетени. Кто-то предложил использовать какой-нибудь головной убор, но было лето – и шапки, конечно, не нашлось. Помогла беспартийная Светлана Камскова – секретарь ректора: нашла картонную коробку из-под телефона, куда каждый и положил свой бюллетень с безоговорочной поддержкой кандидатуры Анатолия Степановича.

Затем весь коллектив в составе 15 членов профсоюза избрал первым председателем преподавательского профкома Софию Петровну Лопушанскую. С выборами комитета комсомола пришлось повременить до начала учебного года.

8. Первый звонок

Время тянется долго, когда нечем заняться или когда томишься от безделья, ожидая чего-то. Но когда дел неувпроворот и не на кого переложить хоть часть забот и обязанностей, дни мелькают, как вагоны проносящегося мимо поезда.

На носу 1-е сентября. Нужно составлять расписание. Собираю свой «штаб» в лице инспектора учебного отдела Татьяны Михайловы и еще кого-то, кто попал под руку в коридоре, приглашаю на подмогу проректора Валерия Матвеевича Волчкова, делаем выписки из учебных планов по пяти специальностям на первый семестр, и... оказывается, что никто из «штабных» никогда не составлял никаких расписаний. Не без труда разбросали предметы по недельной сетке и обнаружили, что около половины курсов не обеспечены штатными преподавателями. В полном порядке было лишь физвоспитание.

С названиями академических групп вышла загвоздка. Пришлось мне изобретать свой велосипед и предложить такой вариант. Первой идет буква от названия специальности, например: для физиков – «Ф», дальше год поступления – «80» – и порядковый номер группы, в итоге – «Ф-801», «Ф-802»; для историков – «И-801» и т. д. Такая нумерация оказалась удобной и сохранилась по сей день – не нужно каждый год менять номер группы и всегда можно определить год обучения (курса) по году поступления. Расписание «доводили» еще несколько дней – и наконец наступил момент перенесения его на ватман. Кажется, наш физрук, Анатолий Иванович, где-то раздобыл рулон ватмана и в приложение к нему бутылку водки, чтобы «обмыть» это детище, как положено в настоящих трудовых коллективах.

Попутно следует заметить, каков был статус в университете нашего национального напитка, без которого не обходятся ни свадьбы, ни поминки, без которого даже в атаку не

ходили ни трусы, ни герои. На спиртное не было табу, но было неписаное и неозвученное правило: «На работе – не употреблять, гостей – не угощать!». Правда, единоличное право на определение статуса «гость» и меры угощения сохранил за собой М. М., но пользовался им редко и исключительно в дипломатических целях. Если случался у кого день рождения, вся команда приглашалась в кабинет к шефу, именинник выслушивал в свой адрес больше пожеланий отдать всего себя без остатка Университету, чем обычных комплиментов и признаний заслуг. В это же время секретарь ректора Светлана Камскова вносила в кабинет поднос с маленькими рюмками, наполненными вином (порция чуть больше, чем на Причастии в храме Божием). В течение 10 минут празднование дня рождения заканчивалось – и все разбежались по делам.

А тут бес попутал с этой бутылкой. Анатолий Иванович поставил ее на стол. Кто-то из сотрудников зашел в помещение, увидел бутылку и воскликнул: «Шеф идет сюда!». А. И. берет рулон ватмана и надевает на бутылку. Входит М. М., замечает смущение на физиономиях присутствующих, подходит к столу, поднимает ватман, берет в руки бутылку и спрашивает: «Открывать?». Инициатор обмывки расписания: «Как решите...». М. М. открывает бутылку, подходит к раковине, выливает содержимое, отдает бутылку А. И.: «В помещении не оставляйте!» – поворачивается и покидает комнату. Этот пример наглядно показал, что эффективные и долго не забываемые уроки преподносятся не обязательно с использованием вербальных средств.

Вскоре подготовили сценарий торжества. Первый раз «Первый звонок» – мероприятие по значимости хоть и историческое, но по масштабам и материальной обеспеченности получилось довольно скромным. М. М. решал вопрос с приглашением гостей из властной пирамиды – от областной вершины до районного уровня. «Золотой отряд», ППС и немногочисленные сотрудники АХЧ вычистили все углы и выпололи на площадке перед входом успевшие уже прорасти сорняки. По сценарию были запланированы речи: ректора университета, гостей и двух студентов. Затем должен был прозвенеть звонок. Ректор и самый важ-

ный гость – первый секретарь обкома КПСС Леонид Сергеевич Куличенко разрезают ленточку – и счастливые первокурсники стройными шеренгами двигаются в актовЫй зал, где ректор читает им первую лекцию.

Здесь снова следует сделать небольшое отступление. В 80–90-е годы глагол «покупать» почти вышел из употребления, причем не по каким-либо языковым причинам. Он устарел и превратился в архаизм в течение жизни всего двух поколений советских тружеников по чисто экономическим причинам. Парадокс заключался в том, что чем в большей степени труженики становились производителями материальных и духовных ценностей, тем в меньшей мере они являлись их потребителями. Так как наше производство и в теории, и на практике не было товарным, то и товаров, особенно хоть кому-либо нужных, в магазинах почти не было. Поэтому их и нельзя было покупать, а лишь «доставать». Этот глагол покрывал большой массив средств и способов достижения заветной цели обладания чем-либо: от детских пеленок до бутылки коньяка.

Ленту и ножницы кто-то из сотрудников принес из дома, а такой предмет не совсем домашнего обихода, как колокольчик, найти в торговой сети Нижнего Поволжья и прилегающего Черноземья было нерешаемой задачей. Так как моя супруга – Нина Георгиевна, доцент кафедры педагогики пединститута, – почти каждый световой день проводила если не в родном педде, то в школах или других учебных заведениях города или области, мне и было поручено уговорить ее «достать» в каком-нибудь объекте на робрза инструмент, без которого и университет не открыть, и учебный год не начать.

Форма присвоения колокольчика: то ли экспроприация, то ли национализация, то ли приватизация, то ли просто присвоение социалистической собственности с целью передачи группе лиц, открывающих университет, – осталась неустановленной и не повлекла каких-либо юридических последствий. Колокольчик Н. Г. украсила шелковым бантом – и он спел свою звонкую песню 1 сентября 1980 года около 11 часов утра.

Дня за два до начала учебного года М. М. провел инспекцию помещения и прилегающей к зданию территории. В актовом зале,

где должна была состояться его первая лекция, обнаружилось отсутствие кафедры. М. М. обращается к одному из сопровождающих лиц – проректору по АХЧ О. Рошину: – А где кафедра?

Мне показалось, что, затурканный всякой мелочовкой и немного придавленный грузом серьезных хозяйственных проблем, Рошин не сразу сообразил, о какой кафедре речь.

– Где кафедра? Как я буду без кафедры лекцию читать?

Не успел Рошин ответить: мол, где я ее возьму, как М. М. продолжил:

– Не будет кафедры, читать лекцию будешь ты – так что готовься!

Не блиставший красноречием и в более простых ситуациях Рошин отреагировал односоставным предложением:

– Понял!

В течение следующего дня при помощи и дружеской поддержке Анатолия Ивановича О. Рошин проявил находчивость, смекалку, плотницко-столярное мастерство, настойчивость, целеустремленность и еще много золотых качеств настоящего всесторонне и гармонично развитого советского человека. Из сломанного стола была смонтирована вполне приличная на вид, но не совсем устойчивая кафедра. При этом М. М. были даны настоятельные рекомендации: во время лекции, на всякий случай, на нее не опираться, а еще лучше – вообще к ней не притрагиваться. Шеф к рекомендациям прислушался и держался от конструкции на безопасном расстоянии.

Не было в то время, к величайшему сожалению, технических возможностей сделать магнитофонную запись этой лекции. Могу с уверенностью сказать, что за 40 с лишним лет совместной работы с М. М. я не слышал от него более впечатляющей и одухотворенной речи. А говорил он о прекрасном будущем университета, которое нужно и можно сотворить руками, умами и трудами его сотрудников и студентов. Речь шла о мечте, которая обязательно сбудется.

Сценарий открытия был прокатан без сучка и задоринки, были произнесены хорошие, правильные и идейно выдержанные речи, слова благодарности партии и правительству за открытие университета, заверения с нашей стороны, что мы с честью выполним свою

миссию: преподаватели – обучать, а студенты – учиться. Где-то посредине церемонии, пока слово и микрофон передавали очередному выступающему, из небольшой группы стоявших рядом работников соседнего детсада воспитательница подтолкнула малыша в коротких штанишках, и он медленно с букетом сорванных у садика цветов пошел через площадку к стоявшим на ступенях взрослым дядям и тетям. Этот эпизод придавал всей церемонии более символический характер, чем стандартные выступления присутствующих гостей. Университет «в коротких штанишках» начинал свой путь в большую жизнь.

9. «Без энтузиазма университет не построить!», или «Научим всех всему!»

Строительство учебных корпусов и общежития в условиях планового хозяйства достойно былинного эпоса. Когда по всей стране после лозунгов, славивших «ум, честь и совесть нашей эпохи», вторым по значимости был лозунг: «План – это закон!», его выполнение было таким же желанным, но недостижимым, как и само построение коммунизма.

У университета практически не было проблем с финансированием. Виртуальные деньги исправно выделялись, но использовать их и осуществить запланированный объем строительно-монтажных работ было практически не решаемой в полном объеме задачей. А если средства, выделенные на определенный год, использовались не до конца, то остававшаяся сумма просто списывалась, и была реальная угроза недополучить такую же сумму на очередной год. – Если учебные площади не расширялись, нельзя было рассчитывать на увеличение плана приема студентов. – Если контингент студентов не увеличивался, нельзя было надеяться на увеличение финансирования. Это был заколдованный круг – и разорвать его можно было, только заставив, принудив, побудив, уговорив всех, кого можно, строить.

Руководители строительных организаций, начиная с «Волгоградстроя» и кончая десятком подрядчиков и субподрядчиков, были квалифицированными специалистами, но уставшими, издерганными и измученными людьми,

вынужденными давать обещания заказчику каждого строительного объекта, зная, что эти обещания не могут быть выполнены. М. М. удавалось регулярно собирать строительных начальников высшего уровня, а иногда даже «заманить» в университет кого-либо из городского или областного партийного или советского руководства в качестве катализатора процесса. Местные строительные «генералы» вызывали начальников уровня пониже, те – мастеров и прорабов, и сверху донизу проводилась «энергетическая накачка» с использованием всего богатства великого и могучего русского языка. Но когда прораб возвращался на объект, ему часто некому было давать указаний: каменщиков, штукатуров, маляров и других специалистов могло не оказаться на месте – их уже перебросили на объект, где сила «накачки» была больше.

***Справка.** План выполнения строительно-монтажных работ в %: 1980 г. – 45,7; 1981 – 56,1; 1982 г. – 58,8; 1983 г. – 80,1; 1984 г. – 90,6; 1985 г. – 73,7.*

Уверен, что цифры выполнения плана СМР читателя не впечатляют, но что стоит за этими скромными цифрами? Какой полет мысли, какая изощренность фантазии, какое упорство и упрямство и какая уверенность в том, что Университет БУДЕТ, «организатора и вдохновителя наших побед» – М. М., побед не только над обстоятельствами, но и над сомнениями, а иногда и отчаянием...

Перед каждым съездом КПСС все трудовые коллективы брали повышенные обязательства, становились на трудовую вахту, принимали встречные планы в ожидании всегда судьбоносных и исторических решений. А после их принятия долго изучали, обсуждали и на очередном витке патриотического и трудового подъема, и в струе выполнения этих решений снова брали повышенные обязательства, принимали встречные планы, и так далее.

В этой ситуации строительные рабочие, железобетон, цемент, металл – и вообще все, кем и из чего что-то можно было построить и чего на всех почему-то в плановой экономике хронически не хватало, были не то чтобы нарасхват, а шла просто скрытая «партизанская война» за трудовые и материальные ресурсы – и побеждал тот, кому каким-то образом уда-

валось урвать долю скудного пирога у соседа. Между прочим, следы такой «партизанской операции» мы видим каждый день: это облицованные белым мрамором вестибюли университета, мрамором, который первоначально предназначался для строящегося нового Дома политпросвещения по проспекту Ленина, сейчас это – Театр эстрады.

На второй день после открытия XXVI съезда КПСС М. М. снарядил к начальнику главка «Нижеволжстрой» делегацию «общественности» под предлогом изложить нашу озабоченность медленным ходом строительства университета. В состав «ходоков» вошли представители партбюро, профкома и инспектор учебного отдела Галина Ивановна Балибардина, владеющая стенографией. Ей было дано «секретное» задание – вести стенограмму беседы.

Когда мы пришли в главк, нас, к нашему удивлению, не стали топить в приемной и сразу пригласили в кабинет руководителя. Немолодой худощавый мужчина с бледным лицом язвенника предложил нам занять места за длинным столом и спросил, какие у нас к нему вопросы.

Представлявшая профком Ольга Михайловна Калашникова начала с заранее подготовленного «речитатива» о бедственном положении университетской стройки, но, не успев закончить преамбулу, была остановлена хозяином кабинета:

– Все, что вы хотите мне сказать, я знаю. Сейчас я вам объясню, почему это так, а не иначе.

Достав из ящика своего стола два скленных листа формата А4 (видно, он ими пользовался не первый раз) и развернув их текстом к присутствующим, он продолжил:

– Наш главк осуществляет строительные работы в Нижнем Поволжье на сумму 4 миллиарда рублей в год. Вот список объектов. Вверху, над красной чертой, – оборонные объекты: если я их не построю – меня не будет, во всяком случае – на этом месте; дальше идет жилсоцбыт – жилье, детсады и прочее: не введу их в строй – с меня голову снимут; а вы, ваш университет, – вот здесь, внизу списка. Теперь второе: обеспеченность всехстроек рабочей силой – 45 %, металлом – 50 %, железобетоном – 60 % и так далее. Теперь вопрос к вам: что мне прикажете делать?

Мы, ошеломленные услышанным, молчали.

– Так вот, не буду вас обманывать: университет мы, как вам хотелось бы, не строили, не строим и строить не будем!

На этом аудиенция закончилась. В подавленном настроении мы вернулись на Лысую гору, где одиноко возвышался корпус «Б» университета. Доложили М. М. о визите, чем не произвели на него никакого удручающего впечатления. Через полчаса Галина Ивановна принесла расшифрованную стенограмму. Прочитав ее, М. М. сказал:

– Бери лист бумаги и пиши: «В президиум XXVI съезда КПСС. Дорогие товарищи! Решением Советского правительства на героической земле города-героя Волгограда открыт государственный университет. Жители города, области, соседних регионов с радостью и благодарностью восприняли это событие как очередное проявление заботы нашей партии и Советской власти о подрастающем поколении, о подготовке высококвалифицированных кадров для культуры, образования и народного хозяйства. Однако планы строительства университета срываются, что вызывает большую тревогу и озабоченность как коллектива университета, так и широкой общественности...» – и, обращаясь к нам, продолжил: – Идите и сочиняйте текст в таком же духе дальше, при этом вставьте цитаты из стенограммы, особенно слова: «...не строили, не строим и строить не будем».

Поколдовав над текстом часа два, мы принесли его М. М. Он кое-что подправил и сказал Г. И.:

– Отправляйте телеграммой по адресу: Москва, Кремль, Президиуму XXVI съезда КПСС.

Как выяснилось через два дня, телеграмма благополучно дошла до адресата – никто на месте не рискнул ее притормозить. В обком КПСС пришло краткое и категоричное: «...планы строительства обеспечить в полном объеме и о выполнении доложить в ЦК КПСС».

М. М. срочно вызвали в обком. Смысл беседы таков: «...ну зачем же СРАЗУ обращаться в высший орган партии – все ведь можно и нужно решать на месте...» – и так далее, и тому подобное.

Нашу «группу общественников» приглашают в главк. На этот раз начальник был еще более бледен и явно не в себе:

– Руки на стол – ничего не записывать, иначе не буду разговаривать!

Пришлось повиноваться. Мы сидели перед ним, как первоклассники, и каждый, казалось, пытался сделать наивное и невинное выражение лица.

– Что вы со мной делаете?! – продолжал он, переходя на крик. – Я с вами, как с людьми, разговаривал, а вы что?! Теперь я жалею, что, вообще, принял вас!..

Когда он несколько успокоился и вербальный поток его возмущения иссяк, Ольга Михайловна сказала ему на прощание:

– Извините, конечно, что по нашей вине у вас неприятности, но вы их переживете, а неприятности по вашей вине университет может и не пережить. Нам отступать некуда.

Уже на следующий день стройка, до этого несколько недель не проявлявшая признаков жизни, зашевелилась, вселяя в нас надежду и оптимизм...

Примерно на равном расстоянии между общежитием и главным корпусом университета строители обустроили свой городок, притащив туда несколько типовых вагончиков, а вскоре соорудили пару кирпичных построек, сохранившихся по сей день. Городок обнесли забором, поставили металлические ворота, а над ними прикрепили лозунг, по своему содержанию и соответствию ситуации достойный пера, по меньшей мере, М. Жванецкого: «Научим всех всему!»

И действительно, учили нас не только выживать, но и интенсивно развиваться: мобилизовать парней и девушек в строительные студенческие отряды ВолГУ, привлекать из «небытия» квалифицированных и не очень строителей, выбивать, выколачивать, выпрашивать, требовать...

Общежитие нужно было сдать государственной приемочной комиссии не позднее 20 декабря. На дворе было начало ноября. Закончить строительные работы в срок не было никаких шансов: еще не был закончен монтаж железобетонных конструкций на последних этажах, не вставлены окна и двери, не завершены оштукатуривание и наклейка обоев, не убраны горы строительного мусора на

всех этажах и многое другое. Силами нашего студенческого стройотряда и ППС всю эту работу не закончить и к 8 Марта. М. М. звонит в обком комсомола и просит первого секретаря приехать в университет и «морально поддержать» ребят нашего стройотряда. Секретарь Владимир Кабанов, ныне – председатель областной Думы, приехал часов в 11 утра. Мы построили наш отряд перед общежитием, проинструктировав ребят насчет вопросов, которые желательно было бы задать областному вожаку комсомола, с трудом достали диктофон, чтобы зафиксировать мероприятие. Погода стояла мерзкая, моросил мелкий дождик, из окон общежития бригада ППС время от времени выбрасывала очередную порцию собранного ею строительного мусора. Настроение у волгушей, несмотря на визит «высокого гостя», соответствовало погоде.

Нужно отдать должное гостю – он выступил с краткой, но выразительной и зажигающей речью, пытаясь вдохнуть в стройотрядовцев порцию недостающего энтузиазма. М. М. спросил, кто из комсомольцев хотел бы выступить или задать вопросы. Прозвучало подготовленное по сценарию выступления, суть которого сводилась к тому, что уже ноябрь, а учебные занятия для большинства студентов либо не начинались, либо идут по сокращенному варианту, а конца стройке не видно и т. д. А вопросы сводились к следующему: как обком комсомола может помочь нам в этой ситуации? Гость, видимо, не был готов к такому повороту беседы и в довольно туманных выражениях, но бодрым и уверенным тоном пообещал «изыскать возможности», чтобы помочь рабочей силой.

Вернулись в кабинет М. М.

– Спасибо, дорогой, я очень надеялся на тебя и не ошибся, – обратился к гостю М. М. – Когда прийдешь людей и сколько?

– Каких «людей», Максим Матвеевич?

– Как «каких»? Ты же только что обещал. Хочешь прослушать запись? Я думаю, информацию о твоей сегодняшней встрече с комсомольцами ВолГУ следовало бы передать в СМИ, чтобы люди знали, как обком комсомола помогает в строительстве университета.

На следующий день в Волгоградском инженерно-строительном институте сняли с занятий два курса и направили на наше обще-

житие около 80 студентов на «производственную практику». Благодаря этому, хоть с приличным списком недоделок, пузырящимися обоями и другими видимыми «красотами» и невидимыми «сюрпризами», общежитие было сдано к Новому году.

К очередному контрольному сроку – новому учебному году – нужно сдать корпус «Г». Мужской состав преподавателей разбит на бригады по 2–3 человека, распределены помещения. Задача – в кратчайшие сроки положить паркет! Под руководством одного-единственного строителя, который знает и умеет это делать. Прав был классик, что «теория без практики мертва». Таких темпов обучения доцентов паркетному делу мировая система профобразования не знала. Мастер-паркетчик, владея всем богатством русской ненормативной лексики и используя лишь несколько профессионально-ориентированных терминов, сумел изложить теорию так доходчиво и подкрепить ее практикой так умело, что уже на третий день мог с удовлетворением наблюдать плоды своего педагогического таланта.

Но сил ППС на все помещения не хватило. Через пару дней, после очередной «электризации» строительных руководителей, в корпусе «Г» появилась небольшая группа подростков. Заходим с М. М. в одну из комнат: на корточках с молотком в руках сидит худенький этакий «воробышек». М. М. сделал большие глаза и спросил:

- Мальчик, ты кто?
- Коля, из ПТУ.
- Что ты тут делаешь?
- Паркет кладу.
- А ты умеешь?

Мальчик смутился и тихо ответил:

- Я первый раз...

А вот решить половую задачу в актовом зале (ступени!) новообращенные доценты-паркетчики категорически отказались. М. М. пригласил на беседу тет-а-тет проректора по кастроительству Вадима Петровича Каёлу. После нескольких минут беседы В. П. выскочил, как из парной, – и исчез, но после обеда появился с плотным мужчиной средних лет. Тот осмотрел бетонные внутренности зала и сказал:

– Мне надо минут 10 поговорить наедине с ректором.

В. П. отвел его к М. М. Минут через пятнадцать строитель вернулся и сказал:

– К завтрашнему утру привезите десяток матрацев и одеял и обеспечьте трехразовое питание всей моей команде: будем здесь ночевать – мотаться туда-сюда времени нет.

История умалчивает, о чем плотный дядька говорил с М. М., но обещания свои, видно, обе стороны выполнили.

С паркетными полами вспоминается еще один эпизод. Позвонили из обкома КПСС: нужно принять делегацию Конгресса Всемирного Совета Мира из Канады. Это была первая зарубежная делегация, посетившая университет. Впечатленные таким представительным названием канадской организации, мы подготовились, как могли: выставили на стол пару бутылок теплой минералки (о холодильнике пока не могли и мечтать!), пригласили в качестве переводчика доцента Данилову Валентину Павловну, предполагая, что все наши гости говорят по-французски. К физическому корпусу университета подъехали три «Волги» – и в сопровождении «товарищей» из них вышли представители Конгресса: две старушки, двое, вроде бы разнополых, молодых людей, дама совершенно неопределенного возраста и представительный седовласый мужчина со скандинавской бородкой. Гостей представили. Мне сразу запомнилась украинская фамилия одной из канадок – Шевчук.

Беседа не совсем клеилась, были трудности с переводом, так как не все гости хорошо понимали наш французский перевод, да и говорить было практически не о чем. Неусыпной «борьбой за мир» у нас занимались не «божьи одуванчики», а генсеки и специально созданные и финансируемые организации, например Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира.

Поговорив минут 40 и выслушав оптимистичный, как всегда, прогноз развития родного университета, представленный М. М., гости собрались уезжать: ждало очередное мироборческое мероприятие.

Покидая кабинет ректора, я перебросился с госпожой Шевчук несколькими словами и услышал, что гостя довольно сносно говорит по-украински: она попала в Канаду еще в детстве – и в семье продолжают говорить на род-

ном языке. Вдруг мадам Шевчук остановилась, быстро, не по возрасту, наклонилась и начала ощупывать паркетный пол. Я радостно подумал: «Вот ведь, нравится – не даром мы так гордимся своими паркетными полами!».

– Дуже кепська підлога. Хто це таке зробив?

Меня как водой окатили:

– Чому?

– Я знаю, як це треба робити: мій чоловік – майстер по цій справі *.

Впечатление от первого визита иностранцев было испорчено раз и навсегда. А полы, слава богу, поскрипывают и по сей день, как тогда!

Эти несколько эпизодов строительной эпопеи не могут дать полного представления о той былой реальности, когда деньги есть, а чтобы получить то, эквивалентом чего они являются, нужно быть либо фокусником, либо чудотворцем.

Для сведения молодежи: когда на Лысой горе не было еще ни одного университетского корпуса, коробка высотки политехнического института, ныне – Волгоградского государственного технического университета, уже стояла на своем месте. Не введена в строй и по сей день.

10. «Почему... здесь нет коврика?»

Визиты в министерство – союзное или республиканское – всегда требовали и тонкой дипломатии, и находчивости, но самое главное – продуктивные отношения с министерскими товарищами строились на основе доверительности и человеческой симпатии. Ведь все приезжали о чем-то просить, что-то выбивать, а просить приходилось, как правило, о том, чего тебе не положено, либо о том, чего на всех не хватает. После строительства важнейший вопрос – увеличение контингента студентов: от этого зависело финансирование. С учетом тех квот, которые официально и по нормативам определяло министерство, университет развивался бы, в лучшем случае, черепашими темпами.

М. М. проносился по министерству быстро, заходил в каждую вторую или третью дверь, хотя по делу нужно было только в одну, максимум – в три. В каждом кабинете он разгонял кан-

* Очень плохой пол. Кто это делал? Я знаю, как это нужно делать: мой муж – мастер этого дела.

целярскую тоску и оживлял от полудремы их обитателей. На некоторые двери махал рукой: сюда – не надо, а сюда – бесполезно...

Подходим к двери отдела, определяющего «подушные» нормы приема студентов. М. М. заходит, не стуча и не спрашивая разрешения, я – за ним. Женщина, сразу видно – начальник, распекает какого-то сибирского ректора «по высшему разряду». У того – лысая голова, похожая на глобус, покрыта красными пятнами (прямо СССР на глобусе), искрится жемчужинами пота, стекающего по пламенеющим щекам.

– Все – разговор окончен. Ничего не желаю больше слышать!

Посетитель подхватывает с пола свой портфель и рысью выбегает из кабинета.

Мягкой походкой М. М. медленно направляется к столу разъяренной дамы, собирающей лежащие на столе бумаги и бросающей их в ящик, останавливается в двух шагах от стола и со смирением в голосе спрашивает:

– Почему у вас здесь нет коврика?

Столона начальница замирает с бумагами в руке, делает сосредоточенное лицо и недоуменно с раздражением переспрашивает:

– Чего «нет»?!

– Коврика!

– Какого «коврика»?

– Чтобы стать на колени перед вами.

С лица сходит выражение: «сейчас укушу, разорву на части» – и легкая улыбка делает его если не прекрасным, то вполне симпатичным и приветливым.

– Нет уж, лучше садитесь.

– Спасибо! Ректор Волгоградского государственного университета Максим...

– Помню-помню. Вас не забудешь. Вы ведь не первый раз. Что сейчас будете просить?

– ...извините. Ростислав, запиши: «Коврик – метр на полтора – выслать по почте». Извините.

– Так, зачем пожаловали, Максим Матвеевич?

– Все за тем же: добавьте к плану приема человек 50.

– Вы смеетесь?!

– Плачу – без вашей поддержки нам не выжить...

Минут через 15 мы покидаем этот уютный, хоть и без коврика, кабинет и его милую хозяйку с искомым результатом в компро-

миссном варианте – добавки к приему на вечернее отделение.

Несмотря на тотальный дефицит тех лет, коврик был найден, отправлен в министерство и лег у ног этой прекрасной феи, которая помогала нам и впредь, насколько это было в ее силах и возможностях.

Справка. 1 сентября 1981 г. открыта подготовка студентов по вечерней форме обучения по специальностям «История» и «Филология» (85 человек).

11. Лысая гора

Место, которое было определено для строительства университета, называли то «Лысая гора», то «Лапшин сад». По слухам, при выборе этого места не последнюю, если не первую, роль сыграла заведующая отделом школ и вузов Волгоградского обкома КПСС Нина Романовна Прокофьева. Хорошо, что она не знала и, вероятно, не догадывалась, сколько нелестных слов и от скольких людей – и сотрудников, и студентов университета – было обрушено на голову никому толком не известного «землепроходца», выбравшего это место. М. М. успокаивал всех тем, что университет находится в центре города – географическом. Но этот географический центр в начале 80-х был труднодоступным местом. Тогда не было ни троллейбуса с южной части города, ни маршруток, связывающих сейчас университет со всеми районами. По Второй Продольной – от железнодорожного вокзала в южном направлении – не чаще чем один раз в час ходил автобус № 2, еще реже – экспресс № 2, по тому же маршруту. У экспресса не было остановки напротив университета. В течение нескольких месяцев мы добивались того, чтобы можно было выйти или сесть на него у университета, а не на «Обувной фабрике». Те, от кого это зависело, сами, конечно, на нем не ездили, поэтому, видно, и решение давалось им с таким трудом. В сентябре 80-го М. М. выбил для университета отдельный автобус, не служебный, не рейсовый, а какой-то благотворительный. Это был довольно потрепанный «ЛАЗ», часть выхлопных газов которого не попадала прямо в атмосферу, а фильтровалась в салоне через легкие пассажиров.

К лобовому стеклу была приклеена надпись красным на белом ватмане: «УНИВЕРСИТЕТ». Все преподаватели и почти все студенты, проживающие в административном центре города, могли на нем бесплатно, хотя и с дымком, добираться до «географического центра». Но, как теперь говорят, кайф этот был недолгим. Автобус исчез более неожиданно, чем появился: ГАИ, проявляя неусыпную и неустанную заботу о безопасности дорожного движения, запретила автобусу подниматься к университету по дороге мимо котельной (а другой еще не было), так как она слишком узкая для двустороннего движения. Имя проектировщика этого «автобана» осталось неизвестным. Пришлось искать альтернативные пути и средства передвижения – тактовые, конечно, нашлись – трамвай № 4 и электричка. Недаром говорят: «Все хорошо, что Бог дает». Теперь каждый желающий или обязанный попасть в университет мог сочетать свою поездку с оздоровительной, примерно полчасовой, прогулкой. Правда, когда случалась гололедица, некоторые, недовольные, видимо, только этим явлением природы, называли восхождение на Лысую гору – «путь на Голгофу».

Университет – это лишь недалекое прошлое и настоящее и, хочется верить, большое и славное будущее Лысой горы. Но с этой точкой на теле планеты связаны славные и трагические страницы истории нашего народа. Во время Сталинградской битвы это была «высота 145,5». На этом месте с августа по октябрь 1942 года 64-я армия генерала М.С. Шумилова вела тяжелейшие бои. Сюда и были брошены курсанты девяти военных училищ – недоученные лейтенанты, порой вообще не обученные мальчишки. Курсантские полки сыграли свою роль и позднее были забыты, даже в фундаментальных трудах об Отечественной войне они едва ли удостоились пары строчек. Но в период Сталинградской битвы о курсантах пишет даже вражеская пресса. «Фёлькишер беобахтер» («Народный обозреватель») – ведущий печатный орган гитлеровской Германии – «Боевой листок национал-социалистического движения Великой Германии», как он себя сам называл, в номере от 31 августа 1942 года, отмечая стойкость курсантов, называет их «фанатичными большевиками».

По инициативе М. М. в университете была начата и велась многие годы поисковая работа. Огромный труд в это дело вложили Тамара Батырбековна Калмыкова, бывший курсант Сталинградского училища связи и фронтовая связистка, и ветеран войны Николай Александрович Байбаков. Сотни студентов и преподавателей-историков внесли свою лепту в эту поисково-исследовательскую работу. В первые годы в университете было введено правило: каждый студент пишет курсовую работу по проблематике курсантских полков. На базе собранных документов и материалов, воспоминаний курсантов, переживших войну и доживших до 80-х годов, в университете создается Музей курсантских полков. На базе университета было проведено несколько встреч бывших курсантов, мальчишек тех трагических и славных 42–43-го годов, которые по прошествии стольких лет с трудом узнавали местность, которую они защищали, но хранили в памяти некоторые, даже мелкие, эпизоды того времени. Университет, поднимающийся на Лысой горе, которую они защитили, был для них овеществленным символом того, что пролитая ими кровь и жизни товарищей не были напрасны, а дали свои плоды и служат новым поколениям. Для студентов университета это были лучшие уроки не только патриотизма, но и того, что каждое новое поколение вырастает на почве, удобренной кровью, потом и слезами предыдущего...

Трудно сейчас сказать, что ожидает Лысую гору не только в отдаленном, но и в ближайшем будущем. Тот подарок от государства, который получил университет в конце 70-х, – 60 гектаров земли, на которых предполагалось построить еще три общежития и с десятков учебных корпусов (то, что уже построено, проектировалось лишь как первая очередь), так вот – этот подарок обернулся сейчас тяжким финансовым бременем для университета – налогом на землю, исчисляемым миллионами рублей в год. Не отнимут ли, не продадут ли, не застроят ли свободные площади вокруг университета?! – И будет он лишь виднеться за частоколом высоток, а не красоваться белым лебедем на гребне зеленой волны газонов и цветников. Будем надеяться на лучшее!..

А весной 81-го года М. М. предложил высадить аллею деревьев – от обелиска на

вершине Лысой горы до университета. Идея требовала проработки, согласования и подготовительных работ, прежде чем начать посадку. Была спланирована трасса. По договоренности с военными, трассу прошли саперы, так как была опасность наткнуться на неразорвавшиеся боеприпасы времен обороны Сталинграда. Наконец наступило время посадки саженцев. Был ясный, теплый, безветренный день. Пришло несколько грузовиков с саженцами, бензовоз с водой – и весь университет – студенты, преподаватели и сотрудники с лопатами и ведрами, разметив, где копать посадочные ямы, за несколько часов высадили аллею в несколько сот метров, полили саженцы и с чувством выполненного хорошего дела вернулись кто в университет, кто домой...

Но аллее не повезло: прошло немного времени – и все саженцы погибли, то ли от ненадлежащего ухода, то ли от того, что посажены были, как утверждали почвоведы, в девонские пески, выходящие здесь на поверхность. На них растут лишь редкие виды полкустарников, скрашивающие по весне своей зеленью серые бетонные пирамиды с выбитыми на них датами Сталинградской эпопеи. Говорят, под этими пирамидами покоятся останки защитников Лысой горы...

12. «Кадры решают все!»

Длительный период советского прошлого наш народ и экономика обходились почти без всякой рекламы товаров и услуг. Были, правда, исключения. Еще с голодных и безденежных студенческих лет вспоминается реклама – редкие, как сейчас говорят, «бигборды». Один: «Храните деньги в Сберегательной кассе» – и его вариант: «Накопил – машину купил». Последний воспринимался всерьез разве что отдельными чудаками с нарушенным механизмом отражения действительности. Даже если кто и ухитрялся кое-что накопить, то вряд ли ему удавалось что-нибудь купить из самодвижущихся транспортных средств отечественного производства. (Слово «иномарка», как и сам объект этого наименования, появилось в нашей стране лишь в конце восьмидесятых). Часть производимых и не вывозимых в страны соцлагеря «Волг» и «Жигулей» «распределялась» среди Героев Труда, стахановцев, передовиков произ-

водства, победителей соцсоревнования и прочих, часть доставалась «нужным» товарищам, при помощи, как теперь выражаются, «административного ресурса», или, как тогда бесхитростно называлось, «по блату». За оставшейся квотой в многолетних очередях стояли «простые труженики» – строители коммунизма.

Вторая красочная реклама – консервная банка с розовым крабом на этикетке – призывала: «Ешьте крабы – вкусную и полезную пищу!». Эта полезная пища имела в каждом гастрономе и стоила копейки, но изголодавшийся за военные и послевоенные годы народ жаждал чего-то более сытного и не так легко и быстро переваривающегося. Студентами тех лет было экспериментально доказано, что, съев в один присест две банки крабов и буханку хлеба и ощутив, что желудок вот-вот треснет, человек начинал испытывать чувство голода не позднее чем через тридцать минут после такой трапезы.

Зато с партийной идеологической рекламой – наглядной агитацией – было все в порядке. Кроме «вечных истин» типа: «Народ и партия – едины!», «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи!», «Партия – наш рулевой!» и многих других, а также устремляющих к цели призывов: «Вперед – к победе коммунизма!» или «Выполним пятилетку в четыре года!», появлялись слоганы, концентрировавшие внимание трудового народа на важных и актуальных способах достижения вершин и решения всех проблем. Интронизировавшиеся в вожди или просто в генсеки учили нас: «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны!», «Экономика должна быть экономной!», «Кадры решают все!».

Теперь кажется, что три последних изречения двух Ильичей и отца и учителя Иосифа Виссарионовича были истиной в последней инстанции. И напрасно к ним всерьез не прислушались: не электрифицировали всю страну, не сделали экономику экономной, не подготовили квалифицированных кадров для всех уровней политики, управления и производства. А в результате – не получилось построить коммунизм для всех, а создать его подобие для олигархов и беднейших слоев – миллианеров...

Чтобы готовить квалифицированные кадры в высшей школе, нужно иметь квалифици-

рованные кадры в самой высшей школе. И модернизацию высшего образования нужно было начинать, а тем более – заканчивать, не «за-чисткой» вузов, а с системы педагогической и профессиональной переподготовки молодого поколения вузовских преподавателей. Но эффективно функционировавшая даже в годы застоя система ФПК и ИПК, переведенная на коммерческую основу, завяла, засохла и предана забвению. А то, что мы имеем сейчас под названием «высшее образование», больше дело рук, а не голов нынешних управленцев народным образованием и недоквалифицированных преподавателей.

Но чтобы в новорожденном университете решать все или хотя бы неотложные задачи, нужно найти эти кадры. Первый преподавательский «десант» составляли те, кого М. М. достаточно хорошо знал лично по совместной работе в педагогическом, политехническом и других вузах города Волгограда, часть ставок вспомогательного персонала заполнили также те, с кем М. М. работал ранее. Но вскоре подпитка за счет местных вузов закончилась. Коллеги-ректоры не могли допустить дальнейшего «расхищения» кадров подопечных им институтов.

Тогда еще действовала система замещения вакантных должностей, когда объявления о вакансиях печатались в общесоюзных газетах. Уже после первого анонса в первые летние месяцы 80-го, когда постепенно и, казалось, в невероятно замедленном темпе комната за комнатой в нынешнем физическом корпусе «отвоевывалась» у строителей, в университет потянулся сначала ручеек, затем хлынул поток писем и личных визитов претендентов на преподавательские места и бесплатную квартиру. М. М. почти каждый день по несколько раз в беседах с кем бы то ни было повторял вроде бы шуточный лозунг: «Без энтузиазма университет не построить!». Однако, посмотрев на реальную материальную базу и соизмерив ее с объемом ожидаемого от претендентов энтузиазма, многие из них более не давали о себе знать. А письма были разные по форме и содержанию. Жаль, в тех условиях не было ни времени, ни возможности думать об истории и сохранять наиболее выдающиеся по стилю и содержанию эпистолярные шедевры. Запомнились лишь

некоторые мотивы, по которым кое-кто присился на работу в новый университет. Один из мотивов – покаянный: «Каюсь, злоупотребляю, за что имею взыскания, но если окажете мне честь, клянусь: брошу раз и навсегда». Более частым был мотив неприкаянности и неустроенности в жизни и надежда получить квартиру. Но большая часть молодых людей связывала с рождающимся университетом надежду получить возможность реализовать себя, свои способности, добиться карьерного роста, что не всегда удавалось в устоявшихся вузовских коллективах.

Среди массы писем о трудоустройстве выделялось несколько посланий от одного претендента, адресованных лично М. М. Первое письмо начиналось обращением: «Глубокоуважаемый тов. ректор!», а последнее: «Дорогой батько!». Хотя «батько» в личную переписку с неизвестным товарищем и не вступал, каждое последующее письмо содержало все более глубокие уверения в преданности и любви, вплоть до желания считаться сыном такого великого человека, как ректор университета. Было ясно, что товарищ несколько неадекватен. В суете повседневных дел я вскоре об этих письмах забыл.

Под вечер в один из августовских дней, в разгар сезона абрикосов, завожу шефу ведро фруктов. Звоню – М. М. открывает дверь. Захожу, ставлю ведро. В центре большой квадратной прихожей стоит худощавый мужчина в несколько помятом смокинге, с бабочкой и в запыленных, когда-то черных туфлях, рядом с ним – ректор, босиком, в шортах и майке. Шеф с округленными глазами в мою сторону:

– Знакомься – «сын».

«Сын» подает руку, называет себя:

– Вот приехал – принимайте.

Я не могу ничего понять. Мысли почти со скоростью света пробегают по всем извилинам мозга: «Сына Алексея знаю много лет, шеф не был ранее в браке. Откуда же еще один сын?»

А «сын» продолжает:

– Буду у вас работать, батьку, – не пожалеете.

«Батьку»:

– Сегодня воскресенье – давайте завтра в университете поговорим.

– Завтра не могу: мне нужно срочно в Одессу – жениться. Через пару дней вернусь

уже с женой.

– Тогда устраивайтесь в гостиницу на ночлег.

– Я лучше переночую у вас: в гостинице не могу – у меня украли паспорт.

– Тогда вам нужно в милицию.

– Я к вам уже из милиции.

– Но, извините, у меня, знаете, строгая жена – не разрешает чужих людей пускать на ночлег, – настаивает М. М. и глазами показывает мне, чтобы я без «сына» не уходил.

С пустым ведром и «сыном-женихом» под руку пришлось прогуляться до Центрального вокзала и пожелать гостю счастливой женитьбы в городе-герое Одессе.

«Блудный сын» больше не давал о себе знать. Так М. М. лишился шансов на увеличение своего семейства, а университет – на приобретение, возможно единственного, работника в смокинге.

Справка. С 1980 по 1985 г. преподавателям, прибывшим на работу в университет из других городов, было предоставлено бесплатно 24 трехкомнатные, 17 двухкомнатных и 3 однокомнатные государственные квартиры.

Отвечать на все поступавшие письма не было ни времени, ни возможности. Пришлось подготовить три варианта ответов: один – деликатный отказ от дальнейших переговоров без указания причин, так как причины были разными, второй – с просьбой о предоставлении по почте дополнительной информации и третий – приглашение приехать на переговоры. Приезжавшие встречались с М. М. иногда в весьма необычной обстановке. Как-то приехал профессор (не помню, по какой специальности). М. М. беседовал с ним по пути в обком КПСС, в машине. Все шло как будто к тому, что сговорятся и что профессор вскоре после переезда получит трехкомнатную квартиру. Но вдруг гость заговорил о проблемах с женой: мол, трудно будет уговорить ее на переезд в Волгоград. М. М. молниеносно среагировал: «Этот вопрос решается очень просто: бросайте жену и приезжайте!» «Как бросить?!» – изумился гость. – «Да очень просто: разводитесь – и все дело». – «Ну знаете!» – выпалил побагровевший супруг. М. М. как-то сразу поскукнел и потерял интерес к продолжению разговора. Я понял, что на при-

глашении поставлен крест. М. М. часто повторял (и сдержал свое слово): «Не возьму никого старше себя и ни одного – без чувства юмора». Профессор явно не проходил по последнему параметру.

Что касается возраста, то был один случай, когда М. М. чуть не проигнорировал этот критерий. Приехал профессор-физик, кажется из Челябинска, ветеран войны, чуть старше М. М. Положение с физиками-преподавателями высокой квалификации было очень напряженным. После переговоров, на которых я не присутствовал, шеф вызвал меня и велел взять у гостя необходимые документы на него самого и его супругу. Я попросил гостя заполнить на себя и жену листки учета кадров и написать от ее имени заявление о приеме на работу, а остальное – биографию, копии дипломов и так далее – привезти с собой или выслать по почте. Гость подал мне свой листок по учету кадров, затем листок по учету своей суженой. В нем сообщались ее Ф. И. О. и домашний адрес. Ни даты рождения, ни данных об образовании и о работе, ни национальности и партийности, что требовалось в то время, в анкете не было. Я спросил, почему не все графы заполнены. «Даты рождения – не помню, где училась и работала, – извините, не знаю», – получил я в ответ. Я рассказал М. М. о странной информированности претендента относительно собственной супруги – шеф сделал круглые глаза (форма проявления большого удивления) и ничего на это не сказал. Профессор уехал, увозя мою просьбу узнать, наконец, сколько его супруге лет, где она училась и работала, кто она по национальности и так далее. Но, как видно – к счастью, мы этой информации не получили и по сей день, а удалось ли это ему – один бог знает...

Набирать людей «с улицы» – большой риск. Но приходилось и рисковать, и доверять рекомендациям, и полагаться на интуицию: трудно ведь понять человека за 10–15 минут беседы. Шеф умел построить разговор так, что ставил собеседника в затруднительное положение и смотрел на его сноровку – как, каким образом человек выйдет из необычного положения. Один из стандартных приемов состоял в том, что после подписания заявления о приеме шеф говорил: «А теперь на обороте напишите: “Обязуюсь в таком-то году

защитить докторскую/кандидатскую диссертацию” – и распишитесь». Как человек реагировал на это требование – говорило о многом: всерьез ли он относится к обещанию, уверен ли он в возможности его реализации или готов написать что угодно, лишь бы попасть на желаемое место, да еще к этому получить в подарок квартиру.

Иногда за кадрами приходилось специально ездить в другие вузы. На романо-германской филологии, в связи со спецификой предметов и методики их преподавания, численность студентов в академической группе – 10–12 человек, большое количество практических занятий, и поэтому преподавателей требуется, как минимум, в два раза больше, чем на других специальностях. При этом желательно молодых и выносливых, так как проведение практических занятий по иностранному языку – что-то вроде тренерской работы, причем преподаватель – играющий тренер. Где брать таких молодых, выносливых, к тому же хорошо владеющих иностранным языком и прошедших еще в студенческой «шкуре» хорошую методическую школу? Естественно, в первую очередь – в «Мориса Тореза», как тогда называли Московский лингвистический университет. Еду в Москву, прихожу в институт, нахожу декана, объясняю ей цель визита. Декан – милая и любезная дама – с пониманием относится к нашим потребностям и помогает их удовлетворить, конечно, за счет иногородних студентов выпускного курса, так как москвичи никуда не поедут. Первый визуальный контакт с кандидатами на вербовку проходит в «полевых условиях». Декан приглашает меня во время перерыва в лекционный зал и, указывая пальцем на известных ему иногородних отличников, предлагает: «Выбирайте, кто понравится». Я указываю ей на двух наиболее приметных девушек и одного крепкого парня. Декан приглашает их к себе для беседы, я предлагаю им поработать в ВолГУ, двое из них – Светлана Шульжик и Сергей Баталин, – не долго думая, соглашаются.

Еще несколько человек удалось «выудить» в МГУ. «Улов» оказался успешным: ребята приехали в Волгоград и проработали в университете по нескольку лет. Двое из девушек успели даже поруководить комсомольской организацией университета, а Сергей Баталин со временем защитился, стал доцентом.

«Десант» поменьше высадил на Лысую гору и Воронежский университет. Выпускники первого набора не в последнюю очередь обязаны отличным знанием немецкого языка своим первым преподавателям – Елене Лысак и Татьяне Горбатенко, которые на них же приобретали, а затем и оттачивали свое методическое мастерство. Жаль, что по семейным обстоятельствам (в основном – замужество!) большинство девушек со временем уехало в другие города, а С. Баталин поменял ВолГУ на ЛУКойл. Но рыба ищет, где глубже, а человек думает, что хорошо там, где его еще нет.

13. «Не осознал необходимость – свободен»

То, что свобода – осознанная необходимость, в советское время знали даже студенты-троечники, а о трех основных законах диалектического материализма были хорошо осведомлены уже даже хорошисты, не считая отличников и ленинских стипендиатов. Самый молодой в Союзе ССР преподавательский состав университета (в те первые годы средний возраст преподавателей был около 30 лет!) тоже состоял поголовно из бывших отличников, которые хорошо владели теоретическими основами диалектического материализма. Неприятности начались, когда некоторые из молодых коллег, в основном представители естественнонаучного знания – математики, – вульгаризируя общественную науку, попытались реализовать закон единства и борьбы противоположностей по-своему, без учета внутренней и международной обстановки на продвинутом этапе развитого социализма. Несознательно относясь к реальной необходимости, они к тому же извращенно трактовали дарованную нам властью и Конституцией свободу. В один пасмурный, промозглый, но прекрасный день на строительство общежития не вышли студенты-математики. Я, будучи в то время «начальником общественного штаба» стройки, бросился искать «ответственного» преподавателя. Тот нашелся лишь на второй день, причем живой и здоровый, и на вопрос, в чем дело, заявил, что строительство общежития – не его дело, и он не нанимался в бригады или мусорщики, а студентам пора

заняться математикой, а не наклейкой обоев. Вся диалектика тут и проявилась в полной мере: товарищ был на сто процентов прав и на столько же процентов неправ. Но перевесила математика, и большинство его коллег, хотя и не конституционное, решило вопрос в рамках математических допущений и начало пытаться работать «по правилам», то есть не строить, а только преподавать. Остальным коллегам стало как-то сразу обидно и неуютно работать с такими не совсем «всесторонне и гармонично развитыми личностями», да еще и выполнять за них то, что «не положено». Попробовали нажать на отщепеневшихся по партийно-профсоюзной линии и в очередной раз объяснить: если не будем строить, в том числе и своими силами, то негде будет преподавать. Но это не укладывалось в головах, засоренных математической логикой. Товарищи всерьез ошенились – и началось...

Чтобы пояснить, что «началось», нужно сделать небольшой экскурс в историю нашей державы в послереволюционный период – сначала государства диктатуры пролетариата, а затем и общенародного. Так как при царизме народ был всецело закабален и не мог влиять на общественные и государственные дела иначе, чем через бунты и революции, то того периода касаться не будем.

Наиболее активная и массовая разборка между россиянами разных сословий и национальностей (Гражданская война), успешно проведенная по инициативе «передовых отрядов», перешла в спокойную и хорошо организованную фазу, когда классовых, соседских и прочих врагов можно было убирать в лагеря или отправлять в мир иной без права переписки при помощи пера и чернил, или даже карандаша, подсказав власти, кто мешает двигаться к зияющим вершинам. Но менялись времена и слегка менялись нравы. Реагирование на анонимные доносы и другие «сигналы трудящихся» оставалось стопроцентным и после оттепели, но его формы приобрели другой характер: кровавый террор сменился психологическим, а репрессии – прессингом. И вдруг, как луч света в пасмурную погоду, появляется документ, принятый Президиумом Верховного Совета СССР за подписью его председателя А. Громыко. Он запрещал всем госорганам

принимать к рассмотрению анонимные жалобы. Этот документ лишил многих наших сограждан единственно доступной им возможности активно участвовать в борьбе на невидимом фронте за «светлое будущее». Недаром существует единство противоположностей. Другая часть трудящихся стала тратить меньше времени и нервов, доказывая, что пьянствовать им не позволяет язва желудка, от разврата оберегает импотенция, а взятки они не берут, так как никто не предлагает.

Времена еще раз поменялись, и наступил, наконец, третий период разрешения противоречий как движущей силы общества. В эпоху всеобщей компьютеризации и интернетизации глобального мирового пространства послания любого содержания, кроме уголовно предусмотренных, можно посылать всему миру, Господу Богу, египетским фараонам, президенту Буркина-Фасо либо в любую контору или инстанцию на просторах нашей пока необъятной родины. При хорошем здоровье, не преклонном еще возрасте и с живым геном долголетия в наследственном коде можно рассчитывать на то, что на жалобу последует реакция и поступит дельный совет обратиться в наш самый оперативный и справедливый суд.

Но, к сожалению, наши времена в те времена нам и не снились. На неправильное руководство университетом, проявляющееся в любом телодвижении его руководства, во все инстанции полетели математически обоснованные жалобы и сигналы. Благодаря А. Громыко, имена борцов с нарушителями прав и свобод, законодательства, морали, этики, одноразовых норм приема спиртного, и так далее, и тому подобное, были всем известны, а вызванные ими «команды быстрого реагирования» из райкома, горкома, обкома КПСС, обкома профсоюза, республиканского и союзного министерств и прочие не только сменяли друг друга, но иногда работали параллельно. Слава богу, к тому времени в университете уже было достаточно стульев, чтобы рассадить всех, недостаток имелся лишь в отдельных для каждой комиссии помещениях. С сожалением, следует заметить, что не было комиссий от Красного Креста и Красного Полумесяца, ДОСААФ, а также от Всесоюзной пионерской организации им В.И. Ленина. Может быть, поэтому работа, продолжавшаяся

несколько месяцев, так и не принесла борцам «за правду и справедливость» ожидаемых ими результатов, но подтвердила народную мудрость, что в семье не без урода.

Так, в молодом Университете был поколеблен, если не опровергнут, основной постулат ленинизма: «Свобода – осознанная необходимость» – и предпринята неудачная попытка опытным путем продвинуть в жизнь идею: «Не осознал необходимость – свободен!»

На мой, конечно субъективный, взгляд, не было большей творческой свободы для вузов, чем в период, когда союзным министром высшего образования был Геннадий Алексеевич Ягодин. Во всяком случае, каждый заинтересованный участник образовательного процесса чувствовал, что это – процесс творческий, а он в нем – активный субъект, от которого зависит результат – уровень интеллектуального развития и квалификация подготовленного специалиста. Коллективы выпускающих, и не только, кафедр разрабатывали квалификационные характеристики, своего рода «набор компетенций», которыми должен обладать будущий специалист. Пришедшие им на смену государственные стандарты, во всяком случае по лингвистическим специальностям, представляют собой удивительную смесь некоторой суммы знаний, некоторого набора компетенций, обоснованность которых не поддается объяснению, но «строжайше» учитывать которые, по меньшей мере в планировании, необходимо. Если бы подобного качества стандарты были разработаны для производства подшипников, вся техника вышла бы мгновенно из строя, а экологическая обстановка улучшилась бы настолько, что все «зеленые» партии и движения прекратили бы свое существование.

В то время большинство факультетов давало студентам за государственный счет по две специальности. И хотя рынка труда как такового не существовало, выпускник, отработав положенный государством срок по распределению или уклонившись от него, как теперь уклоняются от службы в армии, имел больше шансов найти стабильную работу. Традиционно в СССР факультеты романо-германской филологии готовили (а некоторые продолжают и сейчас) преподавателей иностранного языка и литературы. Но так как

зарубежная литература не преподается нигде, кроме инфаков, вторая часть квалификации оставалась невостребованной. Она была некоторой изюминкой в эрудиции выпускников, знавших и читавших, как и большинство советских людей, не только Хемингуэя и Ремарка. Они могли в беседе с непосвященными блеснуть упоминанием имен Вальтера фон дер Фогельвейде, сэра Чарлза Перси Сноу или еще более загадочных и не известных большинству советского народа литературных личностей.

Задумавшись и озаботившись таким положением вещей, мы решили разработать свой учебный план, с набором предметов и специальностей, которые хоть кому-то нужны. В течение нескольких недель в горячих спорах и деловых дискуссиях, учтя опыт Горьковского института иностранных языков им. Н. Добролюбова и других вузов, мы (при активнейшем и креативнейшем участии доцентов А. Косова и С. Кушнерука) родили новый учебный план, позволявший за 5 лет подготовить специалиста такой квалификации: «Преподаватель двух иностранных языков, переводчик (с двух языков), технолог информационных процессов». Оставалась одна «мелочь» – получить одобрение министерства и запустить процесс. Думаю, что такая авантюра в нынешнее время нормальному человеку в голову не ударит. Едем с М. М. в республиканское министерство – он делает предварительный обход кабинетов. Где нужно, в нескольких словах сообщает о нашем инновационном плане (замечу, что слово «инновационный» в российском языковом сообществе было в ту пору еще неизвестным). В одном из кабинетов оставляем план, назавтра мне назначают свидание для его обсуждения и согласования. В конечном счете, уточнив и поправив не более трех позиций, на третий день получаем подписанный и украшенный министерской печатью план...

Специалисты такого профиля были нарасхват, как сдобные пирожки на бойком рынке. Но «недолго музыка играла»...

После наведения «должного порядка» теперь «бакалавра лингвистики» «просто так» не берут на работу ни учителем, ни переводчиком. Остается бакалавру разве что баклуши бить.

Со временем свободы начали распространяться и на студентов: стипендии открыто рас-

пределялись стипендиальной комиссией, в которую входили студенты – представители каждой академической группы. Так как финансовые рамки стипендиального фонда всегда были меньше желаемого размера, распределение стипендий было акцией, воспитывающей социальную ответственность: стипендия для многих была и остается не только символическим поощрением успехов в учебе, но и финансовым источником выживания. И члены стипендиальной комиссии должны были вникать и знать материальное положение каждого студента, чтобы помочь действительно нуждающимся.

Большим нововведением было регулярное анкетирование студентов для определения рейтинга каждого преподавателя. Баллы по целому списку показателей: от внешнего вида до научной эрудиции преподавателя – выставлялись анонимно, но, насколько можно было судить по результатам, студенты никогда не «засуживали» даже самых строгих и требовательных. Предполагалось, что эти рейтинговые показатели будут учитываться при (пере)избрании преподавателей по конкурсу, при переводе на должность старшего преподавателя или доцента, при представлении к очередному званию.

Как раз в этот период времени меня командировали на работу в Вестфальский университет (г. Мюнстер, ФРГ). Когда я рассказывал немецким студентам о таком демократизме в советских вузах, они с трудом вышли из состояния искреннейшего изумления и очень сожалели, что такой системы нет в немецких университетах. Их бы воля, от большей части своих преподавателей они избавились бы с большой радостью и чувством глубокого удовлетворения за честно выполненный долг. Как тут не возрадоваться нашей действительности, где преподаватель и студент – партнеры и соратники, испытывающие друг друга на прочность в достижении заветной цели! И как тут не переполниться чувством гордости за нашего преподавателя, который, получая в месяц за свой бесценный труд столько, сколько немецкий – за один рабочий день, находит в себе силы и энергию неистощаемого сострадания, выхаживая каждого студента, как пингвины своих пингвинят...

Возможность выбора средств и способов достижения заветной цели обучения все-

гда считалась благом для тех, у кого в активе был запас таких средств, опыта и условий их реализации. В первые годы, обуреваемые энтузиазмом, не затюканные нормативами и не захлестнутые «девятым валом» документооборота, мы пытались найти рациональные, быстрые и эффективные способы развития профессиональных компетенций студентов. Узнав, что в Воронежском университете доцент Людмила Владимировна Величкова разработала необыкновенный «мануальный» метод постановки произношения, мы тот час же пригласили ее в ВолГУ. Она обучила нашу молодую преподавательскую поросль, и использование этого метода давало положительные результаты, пока постепенно не заглохло после смены преподавателей. Еще одна попытка, окончившаяся тем же, была предпринята с использованием интенсивного метода Китайгородской. Несколько коллег было командировано в Москву на трехмесячную стажировку с целью изучить метод, приобрести необходимые навыки его применения и внедрить в ВолГУ. Наши стажерки вернулись из Москвы в состоянии совершеннейшего восторга и потрясения как от самого метода, так и от психологического эффекта его применения: полная релаксация студента и преподавателя на занятии, устранение «страха ошибки», быстрый эффект в развитии коммуникативных компетенций, масса положительных эмоций и полного удовлетворения, сравнимого разве что с сексуальным. Интенсивный метод интенсивно испробовали на нескольких группах первого курса инфака и пришли к неожиданному результату. К концу года студенты свободно, с радостью и удовольствием «шпарили» по-английски и по-немецки, но с таким количеством ошибок, что у преподавателей, получивших «интенсивный» продукт на втором курсе, работавших по традиционной методике и бьющихся за искоренение, недопущение, ликвидацию и ассенизацию ошибок у лингвистов/филологов, сворачивались уши, сводило скулы и начали развиваться неврозы. Пришлось «интенсивку» прекратить и начать срочную лексико-грамматическую корректировку этих «веселых говорунов». Справедливость требует правды, и наоборот, а правда в том, что метод действительно хорош, но не для лингвистов, от которых сама профессия требует

грамматически и лексически корректной речи. Обучать таким методом математиков, юристов, химиков и прочих, и прочих – одно удовольствие и несомненная польза.

14. Заграница нам поможет, а мы ей...

Выход за пределы возможного всегда был и остается стилем руководства университета и работы в нем. Иначе многое из того, что мы имеем сейчас, еще долго оставалось бы несбыточной или несбывшейся мечтой.

Выход за рубеж был и остается одним из приоритетных направлений деятельности университета. С 1984 года и по настоящее время заключены сотни договоров и соглашений с зарубежными научными и учебными центрами, по многим направлениям осуществляется интенсивное и плодотворное сотрудничество.

Справка. Первые договоры с зарубежными учебными центрами и университетами (до 1990 г.) об обмене студентами и преподавателями заключены:

- 1984 г. – с Оломоуцким государственным университетом, г. Оломоуц, Словакия;
- 1988 г. – Институтом русского языка (Russikum), г. Бохум, ФРГ, Кентским государственным университетом, г. Кент, США, Университетом Буркина-Фасо;
- 1989 г. – Институтом перевода Университета г. Граца, Австрия, Кёльнским университетом, г. Кёльн, ФРГ;
- 1990 г. – Институтом иностранных языков и перевода, г. Мюнхен, ФРГ.

За каждым контактом, протоколом о намерениях, договором стоит своя история, иногда не предсказуемый сценарий стечения обстоятельств, намерений и случайностей...

Ноябрь 1987 года. Около 400 преподавателей вузов СССР – от Владивостока до Калининграда, – отобранных для преподавания русского языка в десятках стран Африки, Азии, обеих Америк и Европы, приглашены Минвузом СССР в Москву на двухнедельный семинар перед поездкой по местам назначения. Поезд, проживание в гостинице «Университетская», суточные – все «за счет фирмы», то есть Минвуза. Ежедневно – по 6–8 часов бесед, семинаров, лекций. Встречи с представителями Министерства иностранных дел,

Таможенного комитета, МВД и других, охраняющих наши права и следящих за исполнением наших обязанностей ведомств, родного Минвуза и прочих, и прочих.

К концу – визит в ЦК КПСС. С трепетом, особенно тех, кто впервые открывал массивные двери одного из подъездов здания на Старой площади, входим в мрачное помещение, предъявляем документы молодым стражам в форме КГБ, проходим в явно тоскующую по ремонту комнату и ждем. Минут через 5 входит невзрачный мужичок, неопределенного, но уже вполне старческого возраста, одетый в серенький костюмчик покроя переходного от «культы личности» к «оттепели» периода, представляется каким-то советником какого-то инструктора какого-то отдела. Беседа начинается с сообщения нам о том, что большинство из нас едет в «логово врага» в лице «загнивающего» империализма, что пребывание в стане «ярого противника прогресса, мира и социалистической демократии» требует от каждого «настоящего и верного сына» (хотя подавляющее большинство присутствующих – «дочери») выдержки, стойкости, и главное – не поддаваться ни на какие провокации «агентов империализма». При этом следует строжайше соблюдать следующие правила:

- *Не ехать в купе спального вагона вместе с женщиной, особенно иностранного происхождения, так как возможны провокации сексуального характера.* (Видимо, советник не знал, что в странах развитого империализма места в поезде по гендерному (половому) признаку распределяет компьютер, и даже при большом желании купейное спаривание незнакомых людей невозможно).
- *Не воровать в магазинах ни продовольственные, ни промышленные товары, особенно промышленные, потому (!) что на каждом товаре есть электронная метка, и, не пройдя через кассу, товар сигнализирует о краже, что имело место неоднократно, даже с женами дипломатических персон.*
- *Не покупать и не есть корм для животных, хотя он и в красочных упаковках, и в принципе им отравиться нельзя, но, узнай об этом иностранцы, то есть граждане принимающей нас страны, это приведет, как уже нередко случалось, к подрыву престижа нашей страны и высокого звания советского человека.* Случаи потребления собачьего и

кошачьего корма нашими согражданами, не видевшими и не знавшими его на родине, действительно имели место. Его потребление позволяло экономить валюту, и корм этот не многим отличался от некоторых доступных простым труженикам пищевых продуктов советских гастрономов 80–90-х годов.

- *Ни при каких обстоятельствах в беседах с гражданами страны пребывания не признаваться в своем членстве в КПСС. А если спросят, давать уклончивый ответ или наметнуть на членство в профсоюзе.*
- *Никогда не искать, а наоборот – избегать контактов с местными коммунистами.* (Разъяснений по поводу нежелательности встреч с «братьями по классу» и «его передовому отряду» не последовало.)

Вооруженные такой прививкой от возможных неприятностей и их последствий на родине, мы разъехались по свету на целых два года обучать «неразумных хазаров» великому и могучему русскому языку...

Посольство СССР в Бонне располагалось недалеко от города, на возвышенности, в большом старом лесопарке. При первом же посещении Посольства я познакомился с его 3-м секретарем товарищем Ложниковым – симпатичным молодым еще человеком. Мы сидели в просторном вестибюле, по нему туда-сюда пробегали сотрудники, иногда перебрасываясь на ходу парой слов. После двух недель «изоляции» в немецкоговорящей среде, как чужой среди чужих, я уже успел не то что соскучиться – истоскаться по своим. Завидно даже было посольским ребятам, работавшим в цивилизованной стране, но среди своих...

Ложников рассказал, что отбоя нет от просьб с немецкой стороны направить в СССР студентов на курсы русского языка, но его попытки оперативно решить этот вопрос через наш Минвуз не дают результата, и спросил, не мог бы я поспособствовать тому, чтобы ВолГУ принял студентов из Мюнхена. Зная, как М. М. может среагировать на такое предложение, и опасаясь, что его может при нашем промедлении перехватить кто-то другой, я заверил Ложникова, что согласие будет получено без всяких сомнений и промедлений. Дальнейшее было делом техники: связаться с Волгоградом, затем съездить в Мюнхен, затем связать Мюнхен с Волгоградом...

Как часто бывает, случай позволяет сделать открытие. Так нередко случалось в науке, когда ищут одно, а находят, как бы случайно, другое. Так чаще бывает в человеческих отношениях. Такой счастливый случай свел нас с заместителем директора Мюнхенского Института иностранных языков и перевода Евой Крак. За всю свою профессиональную жизнь я не встречал переводчика такой высокой квалификации. Причем этой квалификацией обладает обаятельная, энергичная, оптимистичная женщина с великосветскими манерами. Она не только блестяще переводит премьер-министров, канцлеров, президентов и простых, не блещущих изысканностью речи людей, но и умеет с ними разговаривать. Ложников дал фрау Крак мой телефон в Мюнстере, она через пару дней позвонила – и мы договорились о встрече в Мюнхене. Уже первые фразы по телефону позволили определить, что Ева – женщина, не лишенная чувства юмора, и на ее вопрос, как она узнает меня на вокзале в Мюнхене, я, вспомнив слова одного из героев советской литературы периода расцвета и увядания нэпа – Паниковского, пошутил: «Увидите старого больного человека с советской “Литературной газетой” в руке».

Поезд тормозит, на перроне немногочисленные встречающие быстро уводят своих встречаемых. Прохожу мимо дамы, взгляд которой обшаривает близлежащее пространство, останавливаюсь метрах в трех от нее, выжидаю секунд 10:

– Здравствуйте, фрау Крак!

Дама вздрогнула:

– Это вы? А я ищу старого...

– ...и больного? Это я и есть. А про «Литературку» забыли?

Так состоялся наш первый контакт. Еще много раз мы встречались и в Германии, и в Волгограде. Каждая встреча приносила не только радость человеческого общения, но и ощутимый и нужный, особенно для нашего юного университета, результат. Настоящая дружба сложилась у Евы и с М. М., и с нашим нынешним ректором – Олегом Васильевичем, который имел возможность во время стажировки в Мюнхене узнать и оценить человеческие и деловые качества Евы Крак.

Справка. 24 мая 1999 г. за выдающийся вклад в становление и развитие университета Ученый совет присвоил звание почетного доктора Волгоградского государственного университета заместителю директора Мюнхенского Института иностранных языков и перевода Еве Крак.

В то время, когда у нас началась перестройка, Западная Европа начала открывать нашу страну, не знаю, в какой раз, но с неутолимой любознательностью и интересом. В ФРГ у всех на устах был Горби – М.С. Горбачев. Во время его визита в Германию началась «горбомания», бурно перешедшая в невообразимый «горбазм». Оказалось, что в 250-тысячном Мюнстере с 50 000 студентов университета я был единственным человеком из СССР. Ни одного выходного дня не проходило без приглашений выступить то в церковных общинах, то в семьях, то перед членами различных кружков по интересам, а в будни, в свободное от занятий в университете время, – еще и перед школьниками. В то время большинству «западных немцев» – простых бюргеров своей страны – были хорошо известны только три советские реалии с отрицательной коннотацией: «КГБ», «Калашников» и «ГУЛАГ». И тут вдруг – улыбчивый советский перестройщик начал внушать миру, что бояться нас не надо. И ему начали верить. Немного позднее, когда с перестройкой, особенно в экономике, не заладилось, критические замечания в адрес Горби, высказывавшиеся без больших опасений (благодаря той же перестройке) гостями из нашей страны, немцы воспринимали чуть ли не с обидой.

На встречах задавались вопросы, касающиеся простых жизненных тем: что едят и пьют в России кроме водки? как и какие праздники отмечают? как воспитывают детей? как отдыхают? могут ли наши граждане путешествовать по миру, как это любят и имеют возможность делать немцы – от школьников до «сеньоров» – «божьих одуванчиков». В дешевых магазинчиках со всевозможной ширпотреб-мелочовкой продавались майки с портретом Генсека ЦК КПСС, кошельки с надписями: «ГЛАЗНОСТ» и «ПЕРЕСТРОЙКА» – и прочие товары, отмеченные русской или советской символикой, как неизбежная реализация закона рынка: «спрос определяет предложение». По Мюнстеру катался ободранный сту-

денческий «фольксваген-жук»: на одной двери, со стороны водителя, охрой намалевана пятиконечная звезда, на второй – надпись кириллицей: «ВХОД». В общем и целом молодежь уже почувствовала грядущие перемены, надвигающиеся с Востока, и ринулась изучать «великий и могучий» и знакомиться с местами обитания русских медведей.

Справка. Иностранцы студенты, прошедшие стажировку и включенное обучение в ВолГУ за первые 5 лет (1989–1993 гг.), чел.:

	1989	1990	1991	1992	1993
Австрия	20	28	17	3	6
Германия	73	106	47	26	25

2000–2004 гг., чел.:

Австрия 36
Германии 22

В то время «двери» СССР широко распахнулись не только для въезда, но и выезда студентов, деловых людей, родственников и знакомых. Тогда дорога из Москвы, например, до Кёльна или Франкфурта не превышала месячной зарплаты советского доцента, а из Волгограда в Москву – двух-трех бутылок водки. Особенно повезло тем, кто приехал к нам в ВолГУ в 1990 году. Уровень цен и курс рубля были такими, что за сотню марок многие смогли слетать на Байкал и обратно, побывать в Крыму и на Кавказе, не говоря уже о знакомстве с Москвой и Ленинградом. Международная мобильность населения была настолько велика, что покупка железнодорожного билета в Европу в единственном месте, в Москве, требовала крепкого здоровья, физической выносливости, железных нервов и владения приемами рукопашного боя, необходимыми, чтобы удержаться в очереди и добраться к заветному окошку билетной кассы.

Но бум имеет недолгий век, а маятник истории качается туда-сюда... Жаль, что закону маятника в нашей стране не подчиняются цены. При нынешних российских ценах редкий «птенец-студизус» из Старого Света долетит до матушки-Волги, не говоря уже о Байкале или о еще более дальних и загадочных окраинах нашей бескрайней страны.

Первые группы студентов из Австрии и ФРГ столкнулись у нас не только с удивитель-

ными, но иногда не объяснимыми для них реалиями нашего бытия в условиях развитого социализма. Научиться есть в столовой без ножа было не очень сложным и длительным процессом, но научиться обходиться без туалетной бумаги было делом совершенно безнадёжным. Поэтому, как эстафету, студенты-иностранцы передавали друг другу информацию о том, что везти с собой в СССР в объемах семестрового запаса: туалетную бумагу, кофе, предметы женской гигиены, что было в большем дефиците, чем колбаса, сливочное масло или жевательная резинка. Следует отдать должное, что практически все приехавшие совершенствовались у нас свои коммуникативные компетенции на русском языке были людьми, не избалованными ни своими родителями, ни вниманием университетских преподавателей у себя на родине, ни деньгами, которые им приходилось зарабатывать самостоятельно, чтобы хватило на скромное пропитание, съём жилья и покупку кое-какой одежды раз в два-три года. Но это были самостоятельные люди со сформированными жизненными установками и интересами, умеющие активно и жадно потреблять не только купленные у нас за валюту образовательные услуги, но и наше сердечное гостеприимство, отзывчивость на просьбы и запросы и действительно доброе отношение, которое не купишь ни за какие деньги...

Время имеет чудодейственную силу. Оно и убивает, и лечит, оно заставляет страдать от тоски о прошлом и забыть плохое в былом. Внуки тех, кто полвека назад считали своим долгом убивать друг друга, становились друзьями и даже создавали счастливые семьи. И уже десятки выпускниц ВолГУ оказывают посильную помощь в улучшении непростой демографической ситуации в разных странах старушки-Европы...

Едем с М. М. в Австрию и Германию укреплять наметившиеся связи с Институтом перевода Университета г. Граца и Институтом иностранных языков и перевода в Мюнхене, а заодно «забросить удочку» в Мюнхенский университет. Из Москвы в Вену – поездом, а дальше – на автомобиле. В Москве шеф дает указания насчет подготовки в путь-дорогу. Он обеспечивает еду, я – соответственно – напиток с незаконно присвоенным

французским названием. Достать в то время в Москве бутылку коньяка какому-то приезжему, не имеющему друзей из уважаемой сферы распределения всего потребительского, было из области фантастики. Иду на родной Павелецкий вокзал забрать вещи из камеры хранения. По дороге захожу в буфет при ресторане. У буфетчика – парня лет под 30 – фирменная физиономия субъекта, по которому давно плачет казенный дом. Интуиция подсказывает: у этого не может не быть. Жду, когда от стойки отойдет клиент, подхожу:

– Коньяк есть?

– Мужик, ты что, с Луны? Какой коньяк? – с наглой улыбкой отвечает он, давая понять, что мы с ним не с одной планеты и говорить нам не о чем.

– Есть... – говорю я и кладу на прилавок купюру в 20 немецких марок: – ...две бутылки.

Буфетчик мгновенно накрывает пятерней купюру, с ловкостью фокусника сметает ее со стойки и выпаливает:

– Статья 88 Уголовного кодекса РСФСР «Незаконный оборот валюты» – от 3 до 8 лет. Открывай сумку, – и скрывается, нагибаясь за стойкой. Выныривает с двумя бутылками коньяка, исчезающими в моей сумке.

С чувством честно выполненного долга и с предвкушением нескучной дороги я быстро покидаю место преступления, очередной раз убеждаясь в истинности положения марксизма, что общественное бытие определяет сознание.

После обеда отъехали от Киевского вокзала. Как обычно бывает во время поездок наших соотечественников, куда бы они ни направлялись – то ли на Дальний Восток, то ли в дальнее зарубежье, – пассажиры знакомятся, а затем распаковывают припасы и начинают в затрапезной беседе коротать время поездки, не озабоченные необходимостью делать что-либо другое, чем отдалиться на волю машиниста, не опасаясь, что он привезет куда-то не туда. Следует заметить, что в то время не было ни мобильных телефонов, ни ноутбуков, ни Интернета, что не позволяло руководителям продолжать во время пути свое любимое занятие – заниматься руководством своих подопечных хоть в дистанционном режиме.

Соседей по купе не было, так как мы ехали в СВ, лишь по коридору туда-сюда носилась худенькая дама уже далеко не среднего возра-

ста и на русско-немецком языковом гибриде пыталась все время что-то выяснить то у пассажира, то у проводников. Я вытащил из сумки результат своей преступной деятельности на Павелецком вокзале, а шеф распаковал еду. Коронным номером оказался целлофановый пакет с внушительным пучком квашеной черемши. М. М. развязал пакет и с лицом человека, преподносящего дорогой подарок, изрек:

– Сам брал – на Даниловском рынке!

Затихшая было в соседнем купе полиглотка выскочила в коридор и, выкрикивая: «Как можно, это совсем плохая колбаса, это нужно выбрасывать», побежала к проводникам и начала требовать открыть в вагоне все окна и найти человека, который может отравиться этой тухлой колбасой. Мы быстро защелкнули дверь и, вытащив из пакета по одному стеблю черемши и завязав остальные, выпили по рюмке за здоровье, для профилактики.

На следующее утро мы были уже в столице Социалистической Словакии. Затем поезд долго и довольно медленно шел мимо полей с какими-то овощами, которые с тяпками и в наклон пропалывали группы женщин. Поезд проехал мимо пограничного столба с надписью: «Republik Österreich». Женщины с тяпками, так украшавшие поля словацких коллективных хозяйств, остались на территории лагеря социализма и прогресса, а мы ехали уже мимо геометрически безукоризненно спланированных участков каштановых почв, которые обрабатывались двумя тракторами. Но сколько я не вглядывался в удалявшиеся от нас тракторы, ни в одном из них не было трактористов. К тракторам были прикреплены большие катушки с электрокабелем: эти стальные кони работали на электротяге. Доехав до конца поля, трактор разворачивался и шел в обратную сторону. Стало как-то даже обидно, что мечта отца электрификации и советской власти – Владимира Ильича оказалась реализованной в стране «загнивающего капитализма», тем более, еще и в его высшей стадии...

В Вене нас встретил доктор Гюнтер Лайкауф из Института перевода. Я уже был знаком с ним. Первая наша встреча состоялась в Баварии, куда он приезжал устанавливать контакт и обсуждать условия возможного договора с ВолГУ. Гюнтер был улыбчивым и не-

сколько застенчивым, но дотошным и педантичным при обсуждении деловых вопросов человеком. Он прекрасно владел русским языком, что в то время некоторым казалось даже подозрительным – просто для преподавателя это уже слишком. Потом выяснилось, что Гюнтер некоторое время работал в Москве, по-видимому, это и наложило неизгладимый отпечаток на его коммуникативную, и не только, компетенцию. Благодаря Гюнтеру Лайкауфу и его шефу – профессору Эриху Прунчу были установлены и налажены долголетние продуктивные связи ВолГУ с Институтом перевода Университета г. Граца.

На описание г. Граца и альпийского края – Австрии может решиться либо графоман, обуреваемый манией литературного величия, либо мастер слова уровня Николая Гоголя или Генриха Гейне. Поэтому я избавлю читателя от необходимости читать строки, которые могли бы лишь исказить образ этой земли, над которой Бог трудился особенно тщательно во время Сотворения мира. Я не стану говорить о Граце, скажу лишь, что если кто хочет увидеть, что может сотворить и сохранить Человек на этой Земле, регулярно не разрушая плоды духа и рук себе подобных, пусть съездит в Грац.

Несколько дней в Граце были заняты встречами с преподавателями, знакомством с организацией учебного процесса, посещением занятий. Хозяева оказали мне любезность: предложили прочитать 4 часа лекций, выплатив соответствующий гонорар, после чего захотелось работать день и ночь даже за половину такого вознаграждения. Но, к сожалению, в рыночном государстве все планируется до последнего гроша, и деньги там, как правило, где-то не берутся и куда-то не исчезают.

Встреча с ректором хотя и была малопродуктивной, но зато очень поучительной. М. М. впервые, наверное, услышал, увидел и убедился в том, насколько ограничена и отлична роль ректора в австрийском (немецком и т. п.) университете от роли ректора у нас. Наш, советский, а сейчас – российский, ректор – своего рода машинист, который должен обеспечить движение паровоза без достаточного запаса топлива, предварительно организовав загрузку постоянно увеличива-

ющегося числа вагонов, при этом выполнять функции кондуктора и контролировать посадку-высадку, штрафовать безбилетников, а в случае ЧП – отвечать еще и за «стрелочника». Правда, у ректора западноевропейского университета тоже довольно часто бывает озабоченное лицо. Но кажется, что эта озабоченность связана, главным образом, с поиском ответа на вопрос: чем бы заняться? А это довольно трудно – заниматься чем-то, ничего не решая. Часто наши вузовские работники строили иллюзии насчет того, что переговоры с ректором западного вуза могут дать результаты, если последнего убедить в целесообразности чего-то. Наш российский невообразимый и неиссякаемый поток импровизации чаще всего разбивался о незыблемую скалу западного железобетонного бюрократизма и перспективного планирования. Но... вода камень точит. И многое удавалось решать и делать, но несколько по другому алгоритму.

Неизгладимое впечатление осталось от визита к директору Института перевода Э. Прунчу. Он с супругой жил в своем особняке на окраине города. Таких жилых зданий на одну семью нет, наверное, и на современной Рублевке, с ее гламурными обитателями, их «непосильным трудом заработанными и горьким потом политыми» «зелеными», необузданной фантазией не ограничиваемых финансами архитекторов и так далее. Дом Прунчей представляет собой сооружение, похожее на винтовую лестницу метров восемь шириной и высотой в три этажа. В центре – конусообразное свободное пространство, у основания в диаметре около пяти метров, суживающееся кверху. Справа, по ходу подъема по лестнице, – книжные стеллажи и двери в прилегающие небольшие комнаты. В беседе за ужином хозяйка дома – родом из Хорватии – проявляла гибридный вариант австрийско-хорватского гостеприимства: была радушна, приветлива, улыбчива и по-славянски хлебосольна. И тут дернуло меня за язык вставить в канву разговора о родине предков, что моя бабушка, по отцовской линии, была сербкой. Как-то, и не сразу, и не совсем явно, на лице хозяйки начала вянуть улыбка, то ли погрузнел, то ли посуровел взгляд, но

стало явно заметно, что желанный гость за столом тот, у кого в роду не случались сербы. Вот вам и пример межкультурной коммуникации. Нужно всегда помнить, кому гусь не товарищ и что не все «братья-славяне» – побратимы, а короче – знать историю тех стран и ментальность тех народов, где и с кем нас сводит судьба и случай.

Закончив дела в Граце, отправляемся через Альпы в Мюнхен. Дороги почти свободны от транспорта, за каждым поворотом в долинах открываются шпили церковных звонниц, утопающие в зелени здания без заметных следов модерна. Возникает ощущение, что попал в сказку, и стоит спуститься в долину – встретишь героев сказок Андерсена или братьев Гримм, с которыми общались и дружили в детстве миллионы из нас.

Где-то часа через полтора Гюнтер сворачивает на проселочную дорогу (не путать с нашей проселочной степной или лесостепной трассой для ралли Собакаево – Киндяковка!). На вопросы, почему свернули с автобана и доберемся ли до Мюнхена хотя бы к вечеру, Гюнтер дал такой уклончивый ответ по-немецки, что я даже перевести шефу не смог, так как ничего не понял. Еще через час въезжаем в населенный пункт с совершенно невозможным по правилам немецкого языка названием: «G-Stadt». Подъезжаем к гостинице. Гюнтер вдруг сообщает, что здесь придется заночевать. Что делать: хозяин – барин. Выходим из машины – и тут происходит то, что по-немецки называется «Überraschung». Современные словари дают такой перевод: «неожиданность, внезапность; сюрприз». Но более точное соответствие я нашел в четырехязычном параллельном словаре Райфа 1847 года издания: «внезапное появление». В дверях гостиницы внезапно появляются... Ева Крак, Олег Васильевич Иншаков и еще один наш сотрудник. Это было, действительно, и внезапное появление, и неожиданность, и сюрприз. Наши коллеги были в это время в Институте перевода на стажировке, и Ева с Гюнтером устроили нам, волгоградцам, и, несомненно, себе тоже, такой подарок – провести выходные на чудесном озере Кимзее, поговорить о том, как прекрасна жизнь и как сделать ее еще богаче в духовном и материальном смысле...

15. Первые шаги компьютеризации

Несколько первых персональных компьютеров отечественного производства были получены университетом из города Волжского. Там на одном из предприятий был совершен революционный прорыв по выпуску компьютерной техники, успевшей морально устареть в проволочках и согласованиях на многоступенчатой лестнице планового технического прогресса. Один экземпляр этого поколения ПК можно увидеть в музее ВолГУ. Но уже год спустя после открытия университета шеф, известным только ему способом, сумел «затеяться» в длинную очередь вузов, ожидавших от министерства поставки компьютеров. Нам досталось 11-е – последнее счастливое место в очереди. Под полученного гиганта вычислительной техники потребовалось помещение из трех аудиторий. После его введения в строй все подразделения университета получали рулоны бумаги с распечатками его волшебной вычислительной работы.

В то время ПК зарубежного производства только-только начали появляться на нашем рынке. Ими уже торговали с «космическими» накрутками московские торговые первопроходцы, в том числе и наиболее активные проходимцы. Поэтому во время очередной командировки в Германию М. М. договорился с одной немецкой фирмой о поставке компьютеров по сходной цене и дал ей по этому поводу гарантийное письмо. Подошло время сделать немцам отмашку о поставке, и тут Бог пожалел нас, надоумил шефа узнать о таможенной пошлине. Таможни в Волгограде еще не было, и М. М. посылает меня на Волжскую таможню (ее открыли там в связи со строительством итальянцами трубного завода). Приезжаю. Там прямо чеховское знойное лето. Разомлевшие от жары таможенники дуреют от безделья. Навожу справки о том, какую «стружку» снимут с нас за сотню компьютеров. Согбенный, как раньше выражались наши предки, под грузом фискальной информации, возвращаюсь к шефу и докладываю об ожидающих нас потерях.

М. М.:

– Что будем делать?

– Не знаю, но брать нельзя. На оплату пошлины денег не хватит.

– Полетишь в Германию – делай, что хочешь, но гарантийное письмо заведи и от заказа откажись.

Полетел, встретился с представителем фирмы. Более неприятного разговора не припоминаю. Ссылки на нашу неопытность в таких делах ничего не давали, сработала версия о финансовой неразберихе в стране. Это было время накануне путча, и главой правительства был лучший друг и радетель советского человека товарищ Павлов, который эффективно укоротил денежную массу советских граждан менее чем за сутки, объявив «вне закона» 50- и 100-рублевые купюры. Новость о такой невиданной в цивилизованном мире операции по укреплению рубля и ненависти к правительству уже облетела весь мир. Пришлось представить университет в роли жертвы, которая страдает не столько от некомпетентности в вопросах только налаживающейся демонополизированной международной торговли, сколько от финансового грабежа родного правительства. Немцы дрогнули и отступили.

Компьютерная операция закончилась закупкой импортных ПК в Москве.

***Справка.** Первые 100 персональных компьютеров университет приобрел на средства, заработанные на семестровых курсах русского языка для австрийских и немецких студентов.*

Метод проб и ошибок, конечно, неизбежен и не так уж плох, особенно в том случае, когда количество проб стремится к бесконечности, а ошибок – к нулю.

16. Мечты несбывшиеся

Было бы не только преувеличением, а просто искажением истины, если позволено будет воспользоваться таким эвфемизмом, что все задуманное, все, что хотелось и мечталось сделать, удалось, осуществилось и стало осязаемой явью. Думаю, даже талантливому скульптору не всегда удастся вылепить из податливой глины то, что задумывалось ранее. Одно дело, когда в процессе создания чего-либо происходит трансформация первичного замысла, другое, когда в ходе его реализации случаются сбои, неудачи или до чего-то вообще не доходят руки. Но бывает и так, что осуществ-

ление какого-нибудь замысла отстает в своей актуальности от быстрого хода времени – и полезность или необходимость его реализации теряет смысл.

Была задумка иметь свой университетский духовой оркестр и хор. Но музыкальная среда и культура города не способствовали хотя бы приближению к созданию оркестра. Что касается хора, шеф поручил мне найти подходящего молодого специалиста с достаточными задатками энтузиаста и продуктивным честолюбием. По совету тогдашнего председателя Волгоградского отделения Союза композиторов СССР Льва Бузова я обратился к совсем неизвестному тогда Мише Рубцову, привез его в университет, представил М. М. Но что мог тогда предложить университет, не располагавший внебюджетными средствами, когда каждая копейка бюджета жестко расписывалась по непоколебимым статьям расходов? 80 целковых – ставку лаборанта – и ни копейки больше. Не удивительно, что молодое дарование от таких условий отказалось, а некоторое время спустя создало замечательный ансамбль «Конкордия», улаждающий слух взыскательных меломанов во многих странах Европы и других континентов. Правда, ВолГУ утешился своим фольклорным ансамблем казачьей песни, который придал культурному климату университета своеобразный региональный колорит...

Еще в то время, когда в нынешнем физическом корпусе была введена в строй столовая, где готовили вкусно и кормили недорого, шеф указал на крайний в левом углу стол и сказал:

– На этом столе поставим самовар, и я буду здесь пить чай и беседовать со студентами.

Самовар то ли не успели, то ли забыли поставить вовремя, а тут и переезжать в отстроенный корпус «Б» пришла пора. Когда заработала новая столовая, снова был определен столик для самовара и задушевных бесед со студентами. Но как могут подтвердить университетские старожилы, и здесь ректорскому чаепитию не суждено было состояться. Видно, М. М. передумал и сменил дислокацию своих встреч со студентами. Все годы его пребывания на посту ректора у двери его кабинета висела табличка: «СТУДЕНТЫ

ПРИНИМАЮТСЯ ВНЕ ОЧЕРЕДИ И В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ». И действительно, ни студенческой очереди, ни студентов в очереди никто у дверей кабинета М. М. никогда не видел. Томились в очереди у этой двери большей частью родители или их порученцы, пытавшиеся отвести ректорскую руку от подписания приказов об отчислении замечательных, талантливых, но обиженных, непонятых и недооцененных знатоков матанализа, философии Канта, литературы Серебряного века, квантовой механики, герундия и аориста, материальной культуры сарматов и еще многих других премудростей...

В конце 80-х оживилось движение советских немцев за реанимацию когда-то созданной Владимиром Ильичом и умерщвленной Иосифом Виссарионовичем Автономной Республики немцев Поволжья. Была создана и начала активно действовать общественная организация «WIEDERGEBURT». Ее руководители зачастили в Волгоград, вели переговоры с представителями областных властей, чтобы заручиться их поддержкой при возможном рассмотрении вопроса в Москве. Бывшая Автономная Республика немцев Поволжья состояла территориально из нынешних районов Саратовской – примерно на $\frac{2}{3}$ – и Волгоградской – на $\frac{1}{3}$ – областей. Дело ее восстановления, как казалось оптимистам, имело довольно радужные перспективы. А воссоздание Республики включало бы и такой немаловажный вопрос, как создание национальных школ, подготовку преподавателей, которые могли бы вести преподавание на родном немецком языке. Молодое поколение – дети и внуки когда-то депортированных немцев – им практически уже не владело.

Едем с М. М. на его «Волге» в Астрахань. Дорога длинная, исполнена и отделана в нашем классическом российско-советском стиле. Удачно разбросанные по дорожному полотну ухабы и рытвины не дают уснуть ни водителю, ни пассажирам, а легкие сотрясения мозгового вещества стимулируют мыслительную деятельность и выбрасывание из подсознания иногда гениальных, но чаще просто ценных идей. Останавливаемся перекусить у указательного знака: «МИХАЙЛОВКА – 4 км». Приняв по несколько капель для аппетита, продолжаем беседу о перспективах немецкой ав-

тономии, которая нам на данный момент уже не кажется недостижимой, и по ходу развития разбуженной идеи приходим к мысли, что ВолГУ пора заняться подготовкой учителей для будущих немецких школ. Где искать абитуриентов? В России, Казахстане, Киргизии – везде, куда судьба и власть забросили этих людей лишь за то, что они немцы.

После возвращения из Астрахани М. М. дает команду подготовить соответствующую бумагу в министерство. Его очередной визит в Москву приносит внеплановый «план набора» на отделение для советских немцев. Абитуриентов в срочном порядке наскребли на пространстве от Киргизии до волгоградского Петрова Вала, куда уже в течение нескольких лет нелегально, то есть без разрешения властей, мигрировали немцы из восточных районов СССР. Принимали ребят в университет не столько по результатам вступительных экзаменов, сколько по двум основным параметрам: национальность и более-менее приличный аттестат о среднем образовании. Контингент оказался на удивление трудным. Наиболее «неподдающимися» были те, кого бабушки с дедушками сумели научить фантастическим остаткам швабского диалекта. Но... взялся за гуж, не говори, а делай!

Немецкое правительство предприняло ряд мер в надежде приостановить начавшийся и все более нарастающий процесс миграции российских немцев на историческую родину. Была создана специальная правительственная комиссия во главе с господином Ваффеншмидтом (в переводе на русский – «оружейный кузнец»), в надежде, что он выкует оружие против этого нежданного нашествия с Востока давно забытых на родине соотечественников. Бундестагом была принята и профинансирована федеральная программа оказания помощи российским немцам по месту их проживания, то есть в России. Было начато строительство жилых домов в поселках на территории бывшей немецкой автономии, закупались тракторы и сельхозмашины для предполагаемых немецких фермеров российского образца. Жаль, что ни господин Ваффеншмидт, ни его коллеги не изучили досконально особенностей нашей многонациональной истории, не углубились в лабиринты ментальности нашего народонаселения и были

убеждены, как и большинство немцев, что стоит в каком-то деле навести порядок – и все будет в порядке. Когда пришло время распределять построенные на немецкие деньги дома, оказалось, что среди претендентов на это свалившееся с неба благо российские немцы составляют меньшинство. Предположить такой финал этой строительной эпопеи не могли сливки немецкого общества, носящие министерские портфели и заседающие без прогулов в немецком Бундестаге.

А тут подоспел визит Бориса Николаевича Ельцина в Саратовскую губернию. Местные власти хорошо к визиту подготовились и сумели одним махом отбиться от претендентов на возврат части территории родной области в лоно предполагаемой немецкой автономии. Подзарядив Бориса Николаевича переливающейся через край дозой безоглядного патриотизма, саратовские стратеги ввели президента в исполнительский состав срежиссированного ими спектакля. Как бы случайно Борис Николаевич стал свидетелем стихийного митинга обуреваемых возмущением трудящихся в лице полутора десятков комсомолок призыва тридцатых годов, выкрикивавших антифашистские лозунги местного сочинения и размахивавших плакатами: «Не пустим фашистов на нашу землю!». Сопровождающие лица расшифровали удивленному Верховному главнокомандующему смысл надвигающейся на Саратов угрозы. Уяснив, о нападении каких фашистов идет речь, он сразу стал главным героем спектакля и блестяще сыграл роль гаранта целостности и неприкосновенности Саратовской области, включая «древнерусский» город Энгельс. Успокаивая вопиющих старушек, блестяще проявивших плоды воспитания в духе патриотизма и пролетарского интернационализма, Борис Николаевич заверил их, что никакой Автономной Республики немцев Поволжья нет и никогда больше не будет.

Так саратовцы отстояли свою целостность, а ВолГУ утратил перспективы на дальнейшую подготовку кадров для нереанимированной Автономной Республики немцев Поволжья.

После этого ручеек эмигрирующих в ФРГ немцев превратился в бурный поток. К большому изумлению немецких правительственных чиновников выяснилось, что, наряду с извест-

ными ранее различиями в национальных культурах и мировосприятии, в нашей державе и их государстве используются различные демографическая статистика и арифметика. Официально в СССР проживало около 1,5 миллиона немцев. Когда число вернувшихся на чужую, но исторически родную землю приблизилось к этой цифре, оказалось, что еще примерно столько же осталось на просторах СНГ. Разгадали ли этот, как когда-то говорил, с подачи Жванецкого, Аркадий Райкин, «рекбус» правительственные чины Германии и спецы ее БНД (разведки), автору этих строк неизвестно. Но «упав на карман» немецких налогоплательщиков, что несколько омрачило «сумрачный немецкий дух», бывшие российские, затем советские, затем снова российские, а также казахстанские, киргызстанские, украинские и другие немцы значительно улучшили демографическую ситуацию в стране, где вроде бы сознательные граждане явно утратили интерес даже к простому, не говоря уже о расширенном, воспроизводству населения.

17. Команда первого призыва

Первые год-два в университете не было дифференциации работников на начальников и подчиненных. Формально, конечно, уже складывалась обычная иерархическая структура, предопределяемая самой спецификой руководства и управления вузом. Но психологически отношения «начальник – подчиненный», слава богу, пока не сложились и не мешали продуктивной работе. Маленький коллектив чувствовал себя единой командой, у которой есть командир, а не начальник, командир, которому полностью доверяешь и знаешь, что он с тобой готов «пойти в разведку». А осознание этого факта дорогого стоит, тем более в такое время, когда почти некому «раздавать» по служебной цепочке поручения, когда от каждого требуется полная самоотдача. И дело спорится, если есть что «отдавать». А нет – сходи с дистанции.

В советское время в университете на самом видном месте висел, как, впрочем, и в других вузах и организациях, «иконостас» – нестареющие портретные лики членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Каждый – на вполне определенной дистанции от

генсека, в зависимости от роли в руководстве победным маршем к светлому будущему. Н.А. Байбаков, бессменный член университетского партбюро, строго следил за внешним видом портретов и моментально снимал с «иконостаса» члена, которого снимали с партийного поста «верные друзья и соратники» или прибирал Сам Господь. На освобожденное место Н. А. тот час же вешал нового избранника. Где он так оперативно доставал портреты, никто так до конца существования Политбюро и не узнал.

Сейчас на втором этаже корпуса «А» по инициативе ректора О.В. Иншакова размещена целая портретная галерея работников ВолГУ, которые отдали университету часть своей жизни и одновременно наполнили ее смыслом и достойным белой зависти содержанием.

Это «чтилище» (см. у Владимира Даля: «всякий предмет почтения, уваженья») с каждым годом представляет все новых и новых активных и успешных членов университетской команды.

А в первом, уже далеком 80/81-м учебном году основной костяк команды составили подобранные первым ректором М.М. Загорулько преподаватели: А.С. Скрипкин, Р.Л. Ковалевский, С.П. Лопушанская, Т.В. Максимова, Т. В. Кондольская, В.П. Данилова, Ю.Н. Ковалева, Н.С. Ковалев, В.А. Безверхов, И.А. Дудина, М.В. Косова, В.Б. Смирнов, А.И. Смирнова, А.В. Косов, А.Г. Морозов, Л.Е. Морозова, В.А. Журкович, В.М. Миклюков, А.И. Яковлев, В.Ф. Железчиков; сотрудники: инспектор канцелярии, ныне – начальник общего отдела Г.И. Балибардина, инспектор отдела кадров, в настоящее время – начальник 2-го отдела Управления кадров В.Ф. Ардельянова, товаровед, ныне – заместитель главного бухгалтера А.В. Лаченкова, старший, затем главный бухгалтер Н.И. Горина, бухгалтер, ныне – учебный мастер кафедры прикладной физики В.А. Голова, лаборант кафедры истории, затем бессменный директор подготовительных курсов В.И. Мелихова, а также покинувшие по разным причинам университет проректоры: В.Ф. Волчков, О.А. Рошин, В.П. Каела, первый комендант Н.С. Тюрина, лаборант кафедры истории КПСС, исполняющий обязанности начальника отдела кадров А.Н. Байба-

ков, секретарь ректора С.Н. Камскова, заведующая подготовительными курсами М.М. Денисенко, старший лаборант «ректорской группы» Т.Ф. Михайлова.

Каждый из названных и не упомянутых здесь людей «первого часа» сыграл свою партию в немногочисленном университетском оркестре. К этому следует добавить, что, кроме ректора М.М. Загорулько и заведующих кафедрами С. П. Лопушанской и А. С. Скрипкина, всем остальным пришлось заниматься тем, чего они раньше не делали, – от исполнения своих должностных обязанностей и чтения отдельных курсов до исполнения всевозможных обязанностей и чтения курсов «за того парня», которого еще нет в штате. Ведь число ставок зависело от числа студентов, а количество обязанностей и неотложных дел определялось функциями штатных служб в нормальной структуре университета.

В развитие лингвистического направления университета основополагающий вклад внесла профессор София Петровна Лопушанская. Уверен, что нет ни одного лингвиста в ВолГУ, который стал таковым без влияния, поддержки и помощи Софии Петровны. Она не была в нашей команде командиром, она была действительно вдохновителем и организатором плодотворного процесса, она «выносила» и «выходила» десятки кандидатов и докторов наук, создала свою лингвистическую школу...

Мы часто не успеваем, по разным причинам и разным поводам, иногда теряя что-то безвозвратно: когда люди уходят навсегда, а мы не успели отблагодарить или хотя бы спросить их, часто об очень важном, что раньше казалось незначительным или не вписывалось в «повестку сегодняшнего дня». И в мозаичном портрете, который создавался о них в нашем сознании годами, так навсегда и остаются незаполненные места.

Лишь отрывочные сведения о детстве, эвакуации, детдомовской юности, студенческой молодости в МГУ, начале научной деятельности Софии Петровны сохранились в моей памяти как отрывки из бесед с ней, как фрагменты выступлений коллег на быстро чередующихся юбилеях. В суете повседневности не хватало времени на воспоминания, тем более что казалось: еще не вечер – и все успеется...

После перехода из Волгоградского пединститута в университет в мае 1980 года ректор помог С. П. поменять квартиру на шумной Второй Продольной, напротив Красных казарм, на уютную двухкомнатную квартиру в тихом месте на ул. Тулака. С. П. была очень рада такой рекогносцировке: тихо, спокойно и ближе к университету.

Квартира эта в первые университетские годы стала своеобразным клубом, где собирались энтузиасты-единомышленники, собирались по поводу, без повода и просто так. Я не помню случая, когда С. П., сославшись на какую-либо причину, уклонилась бы от приема незваных гостей. На балконе, в каком-то, кажется, рундучке всегда лежала бутылка коньяка. Ее точное местонахождение знала только С. П. и Максим Матвеевич, бутылка никогда не распивалась до конца и, наверное, благодаря этому, к каждому новому визиту оказывалась снова полной. Нередко на встречах у Софии Петровны духовная пища потреблялась с высококалорийным гарниром в виде «мяса по-французски». В таинстве приготовления этого блюда всегда участвовали добровольцы из числа гостей, но непременно под чутким руководством и неусыпным надзором Софии Петровны. Когда блюдо подавалось на стол, мысли и речи о прекрасном будущем прекращались, и его коллективное поедание становилось счастливым настоящим, оглашавшимся хором возгласов и стонов удовольствия и восхищения.

В первой комнате стена слева от балконной двери за несколько первых лет сверху донизу покрылась автографами постоянных университетских «членов клуба» и неизвестных представителей ученого мира и административного бомонда. Дело было, конечно, не в самой квартире, а в ее хозяйке. С. П. располагала к шутливой беседе о серьезных вещах, а в присутствии М. М., который сам постоянно генерировал идеи, не упускала случая выдвинуть свою и тут же заручиться материальной и организационной поддержкой ректора в ее реализации. Так, например, С. П. «выбила» первую (!) в университете установку для НИР, сделанную в Москве специально для экспериментального изучения звучащей речи и получившую название «ВОЛГОГРАД-II». Ее разместили на первом этаже единствен-

ного тогда корпуса «Б» и, наряду с пластмассовым макетом первой очереди университета, показывали всем гостям: смотрите, мол, – вот это уже есть, а вот что еще будет!

На таких встречах у С. П. мы как бы перемещались во времени в будущее, о котором мечтали, и это придавало силы и уверенности, что на этой Лысой горе Университет... БУДЕТ! – Если мы его сделаем...

Со временем квартира С. П. на ул. Тулака стала «инкубатором по выращиванию научной молодежи». Почти все научные кадры по лингвистике выращены или прошли через «крупорущку» Софии Петровны. После открытия диссертационного совета по русскому и германским языкам его председатель – София Петровна стала подарком судьбы как для диссертантов, так и для их научных руководителей. Казалось, что не израсходованный на единственного сына материнский инстинкт придает С. П. силы, вооружает терпением и доставляет огромную радость за успехи своих подопечных. От формулировки темы до каждой буковки в автореферате – все проходило через ее ум, сердце и душу. «Школа» С. П. и в этой сфере деятельности университета подготовила компетентных, кропотливых и ответственных учеников. На посту председателя докторского диссертационного совета Софию Петровну сменила Наталья Алексеевна Тупикова. И теперь уже Наталья Алексеевна, совместно с ученым секретарем совета Мариной Владимировной Косовой, помогает довести до оптимума сочетание формы и содержания авторефератов и других пред- и постзащитных документов. Под руководством Н. А. совет сохранил и приумножает основную традицию: выпускать в свет зрелые исследовательские работы и пополнять научное сообщество филологов и лингвистов достойными этого звания кандидатами и докторами наук.

К юбилеям Софии Петровны, которые отмечались в разных формате и составе, я, в меру своих возможностей, сочинял в стихотворной форме, иногда – шутливые, иногда – не очень, поздравления:

1981 ГОД

...Что в жизни гениальней простоты?
Что может быть желанней высоты?

Кто может так глаголом жечь сердца
И правду говорить от первого лица?

Кто может так любить и ненавидеть,
Кто может наказать и не обидеть?
Кто может всех с ума свести
И с облаков на землю низвести?

Все это – Вы,
Все это мы о Вас,
Но только мысль наш мозг сверлит и гложет,
Что стих наш рассказать о Вас
так мало может.

Пройдет 20 лет – София Петровна создаст за это время свою лингвистическую школу, мощный коллектив исследователей, навсегда впишет свое имя в историю Волгоградского госуниверситета и отпразднует очередную юбилей:

Что мне сказать Вам 20 лет спустя?
Что в правоте ТЕХ слов не сомневаюсь
И, позволения не спрося,
Я кое-что еще сказать решаюсь?
Ваша слава в Слове
И Глагол в основе,
Ваш Монблан труда –
От щедрости ума.

У Вас ясная мысль,
У Вас звездная жизнь,
Вы – ревнивая мама,
Вы – светская дама,

Вы – нежная сталь,
Вы – близкая даль,
Вы – строгая ласка
И реальная сказка!

Все это – Вы,
Все это я о Вас!
Готов Вас воспевать
Еще хоть сотню раз...

Но не будет больше юбилеев Софии Петровны Лопушанской, будет лишь бесконечная череда Дней памяти об одном из выдающихся членов первой университетской команды.

Уверен, что члены университетской команды первого призыва, не изменившие ему до срока службы, жизни или по сей день, придя в университет, не просто поменяли в то время место работы. Совместными усилиями, иногда, казалось, в безнадежных ситуациях, каждый в силу, а иногда и через силу своих возможностей создавали ту плодородную почву, на которой рос и расцветал наш Университет...

Шли годы... Рос коллектив преподавателей и сотрудников, приходили новые люди, создававшие новые факультеты и научные направления, возникали новые команды, определяющие сегодня творческий потенциал университета...

И хочется надеяться, что последующие поколения преподавателей, сотрудников и студентов будут не просто работать и учиться, а служить ему верой и правдой, сохраняя его Честь и Достоинство, творя его Силу, Славу и Величие!